У 126/135

калантаров.

Калантарово
№ 123
135

КРѢПОСТНОЕ ПРАВО

ВЪ

ГРУЗІИ

ВЪ НАЧАЛѢ НАСТОЯЩАГО СТОЛѢТІЯ.

ТИФЛИСЪ.
Типографія А. А. Михельсона (бывшая Чанцева).
1877.

2007055023

Г 126/135

КРѢПОСТНОЕ ПРАВО ВЪ ГРУЗІИ *)

ВЪ НАЧАЛѢ НАСТОЯЩАГО СТОЛѢТІЯ.

Въ этой статьѣ о крѣпостномъ правѣ въ Грузіи, при опредѣленіи объема помѣщичьей власти и правъ крѣпостнаго, намъ часто приходится ссылаться на законы, заключающіеся въ Уложеніи царя Вахтанга **); поэтому надобно предварительно сказать кое-что о томъ элементѣ этого уложенія, который относится къ крѣпостному праву.

Есть споръ, насколько законы Вахтанга касательно крѣпостничества въ Грузіи выражаютъ дѣйствительно существовавшія въ ней отношенія; другими словами: насколько эти законы были дѣйствующими? Мнѣнія сильно расходятся. Нѣкоторые говорятъ, что эти законы не примѣнялись;—что въ дѣйствительности помѣщичье господство было не такъ сурово, какимъ оно является въ уложеніи Вахтанга. Другіе говорятъ, что эти законы не что иное, какъ кодификація издревле дѣйствовавшихъ въ Грузіи законовъ и обычаевъ. Споръ этотъ окончательно можетъ быть рѣшенъ исторической провѣркой, за которую мы теперь не въ состояніи взяться. Впрочемъ можно

*) Уложеніе царя Вахтанга составлено между 1703 и 1709 годами.

**)Я пользовался матеріалами изъ актовъ археографической коммисіи, изъ документовъ комитета объ устройствѣ крестьянъ, изъ книжки Дмитрія Бакрадзе и Берзенова „Тифлисъ въ историческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ,“ и двумя статьями г. Димитрія Пурцеладзе и Кипіани, помѣщенными въ „Кавказѣ“.

привести довольно важныя соображенія, которыя клонятъ насъ гораздо болѣе на сторону одного, чѣмъ другаго изъ этихъ мнѣній.

То предположеніе, будто помѣщичье господство въ Грузіи въ дѣйствительности было менѣе сурово, чѣмъ оно является въ Уложеніи царя Вахтанга, весьма шатко: оно не опирается ни на какія положительныя историческія данныя, между тѣмъ какъ низкое умственное и нравственное состояніе дворянства, порабощенность крѣпостнаго сословія, воинственность, многочисленность дворянства, ихъ вассаловъ и служителей, крайняя слабость царской власти и пр. сильно говорятъ въ пользу существованія въ Грузіи весьма суроваго помѣщичьяго господства. Не говоря уже о томъ, что изъ описаній иностранцевъ, посѣщавшихъ Грузію, изъ различныхъ церковныхъ, государственныхъ, судебныхъ документовъ, наконецъ изъ отзывовъ и записокъ очевидцевъ прямо видно, что, по крайней мѣрѣ въ началѣ настоящаго столѣтія, въ прошломъ и позапрошломъ столѣтіяхъ, въ Грузіи существовало помѣщичье господство самое необузданное и лютое.

При томъ въ исторіи соціальнаго развитія всѣхъ цивилизованныхъ націй мы видимъ, что въ феодальномъ быту государственное законодательство имѣло тенденцію къ смягченію суровостей помѣщичьяго господства и къ облегченію участи массъ, изъ благосостоянія и помощи которыхъ королевская власть и вообще государство извлекали свою силу. Государственные законы, при всей своей суровости, были гуманнѣе существовавшихъ крѣпостныхъ отношеній, опредѣляемыхъ, главнымъ образомъ, характеромъ могущественнаго, грубаго и эгоистическаго дворянства. Нѣтъ основанія полагать, что Грузія въ этомъ отношеніи составляла исключеніе и что въ ней государственные законы въ гуманности сильно уступали существовавшимъ отношеніямъ.

Не смотря на всю суровость грузинскихъ законовъ о крѣпостномъ правѣ, намъ кажется, помѣщичье господство въ дѣйствительности было суровѣе, и было бы шагомъ впередъ

для грузинскаго крестьянства, если-бы эти законы примѣнялись со строгостью.

Впрочемъ надо дѣлать различіе между законами царя Вахтанга и сборниками греческихъ и армянскихъ законовъ, которые внесены въ составъ Уложенія самимъ царемъ Вахтангомъ. Мы не думаемъ, чтобы греческіе и армянскіе законы примѣнялись въ Грузіи въ болѣе или менѣе значительной степени или выражали собою существовавшее въ дѣйствительности право, освященное временемъ и закрѣпленное обычаемъ. Ни греческіе, ни армянскіе законы, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они сходятся съ грузинскими, не могутъ служить намъ основаніемъ для характеристики крѣпостнаго права въ Грузіи. Царь Вагтангъ желалъ, чтобы они примѣнялись только за недостаткомъ грузинскихъ законовъ, но сомнительно даже, чтобъ эта цѣль была достигнута въ значительной степени. При занятіи края русскими успѣли отыскать только какихъ нибудь три экземпляра Уложенія. Дѣйствовавшіе въ Грузіи обычаи часто совершенно расходятся съ этими законами, не оставля никакого сомнѣнія, что они были мертвой буквой.

Въ законахъ армянскихъ есть статья, по которой крѣпостное право вовсе не должно было существовать въ Грузіи. 171 ст. армянскихъ законовъ говоритъ: „Человѣкъ самъ по себѣ свободенъ, но зависимость его происходитъ по землѣ и водѣ. Кто же не пользуется оными, тотъ воленъ идти куда пожелаетъ. Ни государи, ни князья не въ правѣ удержать его принужденно въ одномъ мѣстѣ“. Что этотъ законъ въ Грузіи былъ мертвой буквой—очевидно. Есть основаніе думать, что и другіе законы греческіе и армянскіе были въ большей или меньшей степени чужды грузинской жизни. Впрочемъ, вслѣдствіе когда-то сильнаго вліянія Византіи на Грузію, греческіе законы должны гораздо болѣе совпадать съ дѣйствовавшими въ Грузіи обычаями. Но и между греческими законами и этими обычаями часто встрѣчаются явныя противорѣчія. Общій характеръ греческихъ законовъ тотъ, что они неумолимы къ крѣпостнымъ, не признаютъ за ними почти никакихъ правъ,

между тѣмъ какъ обычаи страны предоставляли имъ значительныя права.

На законы же самого царя Вахтанга (I книга Уложенія) въ отношеніи характеристики грузинской соціальной жизни можно больше полагаться. Онъ самъ говоритъ въ 34-й статьѣ этихъ законовъ: „мы сіе опредѣлили по старому, ничего новаго не прибавляя". Весьма вѣроятно, что многое въ законахъ царя Вахтанга опредѣлено по старому;—что многіе изъ этихъ законовъ нечто иное какъ выраженіе юридическихъ воззрѣній, выхваченныхъ изъ общественнаго сознанія, уже регулировавшихъ общественныя дѣйствія посредствомъ обычаевъ и нравовъ.

Впрочемъ, въ законахъ Вахтанга выдѣляется другой элементъ, вызванный обстоятельствами времени, въ которое жили послѣдніе грузинскіе цари, въ томъ числѣ и самъ Вахтангъ. Это—элементъ, который можно назвать лестью и уступкою, которую слабая и находящаяся въ критическихъ обстоятельствахъ царская власть дѣлала своимъ могущественнымъ вассаламъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые гражданскіе и уголовные законы царя Вахтанга дышатъ явнымъ пристрастіемъ къ дворянству. По этому сильныя противорѣчія въ законахъ царя Вахтанга были неизбѣжны. Законы, которые были нечто иное, какъ кодификація понятій о справедливости и пользѣ самого царя Вахтанга или же дѣйствовавшихъ въ странѣ болѣе или менѣе умѣренныхъ обычаевъ, не могли не противорѣчить законамъ, продиктованнымъ сильными дворянами слабому царю.

Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, для характеристики соціальной жизни Грузіи гораздо надежнѣе полагаться на собственно грузинскіе законы, чѣмъ на греческіе, а тѣмъ болѣе армянскіе. Мы иногда ссылаемся на эти законы за неимѣніемъ другихъ свѣдѣній, но читатели уже предупреждены, на сколько они заслуживаютъ довѣрія.

Затѣмъ въ уложеніе царя Вахтанга входятъ законы Агбуга, ахалцихскаго владѣтеля, въ которыхъ, впрочемъ, мало относящагося до крѣпостнаго права; наконецъ, законы Моисеевы и обычаи, введенные при грузинскихъ царяхъ закономъ, въ

которыхъ, къ сожаленію, также весьма мало относящагося до разсматриваемаго нами предмета.

I.

Такъ-называемое крѣпостное право есть большее или меньшее господство помѣщика надъ личностью, трудомъ, имуществомъ и свободой крестьянина. Господство это неполное; еслибъ оно было полное, то было-бы господствомъ или правомъ рабовладѣльческимъ, а не крѣпостнымъ. Оно ограничивается нѣкоторой степенью личной и имущественной безопасности, которую сохраняютъ крѣпостные. Мѣра этой безопасности опредѣляется обычаями, государственными законами и нѣкоторыми другими условіями.

Господство помѣщиковъ надъ крѣпостными не всегда проявляется съ одинаковою силой и суровостью. Нравственное чувство и умственное развитіе самихъ помѣщиковъ въ большей или меньшей степени смягчаютъ и регулируютъ проявленіе этого господства. Съ другой стороны, господство это не всегда находитъ одинаковый просторъ для своего дѣйствія. Оно встрѣчаетъ большія или меньшія препятствія и ограниченія. Большая или меньшая необузданность права крѣпостныхъ, болѣе или менѣе сильные, болѣе или менѣе точно опредѣленые обычаи, различные государственные законы, вмѣшательство королевской власти и нѣкоторые другія обстоятельства ставятъ въ различныхъ странахъ болѣе или менѣе различныя ограниченія господству помѣщика надъ крѣпостными. Слѣдовательно, сфера явленій, которую должно обнимать изученіе крѣпостнаго права въ данномъ краѣ, заключается какъ въ умственныхъ и нравственныхъ мотивахъ, смягчающихъ и регулирующихъ проявленіе помѣщичьяго господства внутри, такъ и въ условіяхъ, ограничивающихъ и регулирующихъ его извнѣ.

II.

Состояніе ума и характера грузинскаго дворянства въ началѣ XIX столѣтія.—Вліяніе на дворянство литературы, школы, религіи, духовенства и семьи.

Понятія и чувства самихъ помѣщиковъ всегда были главнымъ изъ факторовъ, опредѣляющихъ характеръ крѣпостничества въ данную эпоху и въ данномъ мѣстѣ. При томъ невѣжествѣ массъ, при которомъ крѣпостничество бываетъ возможно и тѣмъ болѣе необходимо, сословіе помѣщиковъ обыкновенно бываетъ весьма сильно. Государственные законы, если они и существуютъ, почти всегда оказываются недостаточными для подчиненія ихъ дѣйствій въ отношеніи къ крѣпостнымъ сколько нибудь ненарушимымъ правиламъ. Часто полицейская власть, черезъ которую должно происходить примѣненіе этихъ законовъ, бываетъ въ рукахъ самихъ помѣщиковъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда она бываетъ вручена особымъ чиновникамъ, эти послѣдніе являются послушнымъ орудіемъ въ рукахъ помѣщиковъ и государственные законы примѣняются очень вяло.

Съ другой стороны, невѣжественные крѣпостные, не будучи способны на правильное и организованное сопротивленіе, на вырабатываніе и отстаиваніе постоянныхъ, выгодныхъ обычаевъ, а готовые за малѣйшую ласку и выгоду отъ помѣщика служить ему орудіемъ угнетенія своихъ собственныхъ собратьевъ, оставляли обширное поле произволу помѣщиковъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ, наклонности и страсти послѣднихъ получали широкій просторъ. И такъ, поземельный бытъ края свои очертанія и свою окраску получалъ болѣе отъ понятій и чувствъ помѣщиковъ, чѣмъ отъ какого нибудь другаго источника. Поэтому во всякомъ сочиненіи о крѣпостничествѣ умственная и нравственная характеристика дворянства должна занимать первое мѣсто. Только при крайнемъ усиленіи королевской власти и при значительномъ умственномъ развитіи народныхъ

массъ и остальнаго общества, сфера помѣщичьяго господства съуживалась и его воля въ значительной степени подчинялась закону и обычаю; но въ такомъ случаѣ крѣпостничесво приближалось къ своему концу.

Литература возникла въ Грузіи подъ вліяніемъ Византіи, и особенное развитіе получила въ XII столѣтіи. Молодые грузины въ это время отправлялись въ Константинополь для полученія образованія. Они-то и являются апостолами грузинской литературы. Ими сдѣланы были переводы большей части церковныхъ книгъ и сочиненій нѣкоторыхъ греческихъ писателей. Однимъ изъ нихъ, Шота-Руставелемъ, была написана славящаяся у грузинъ эпическая поэма „Барсова Кожа". Грузія въ эту эпоху находилась на апогеѣ своего государственнаго могущества. Нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства способствовали существованію въ ней порядка,—необходимаго условія для умственнаго развитія: крестовые походы оттянули тогда силы мусульманъ,—этихъ вѣковыхъ угнетателей Грузіи къ Палестинѣ, и дали ей кратковременный отдыхъ. Съ другой стороны, Грузіею въ эту эпоху управляли лучшіе ея цари изъ династіи Багратидовъ, соединившіе подъ однимъ скипетромъ разнородныя части Грузіи и умѣвшіе энергическимъ и благоразумнымъ управленіемъ поддержать нѣкоторое время это непрочное единство. Но этотъ періодъ спокойствія, порядка и послѣдовавшаго отъ нихъ процвѣтанія длился не долго. Начались страшныя нашествія персовъ и монголовъ. Къ несчастію, эти испытанія не научили грузинъ и ихъ царей, что спасеніе ихъ заключается въ объединеніи. Сынъ Георгія VII, Александръ, который далъ своей странѣ нѣсколько оправиться отъ нанесенныхъ ей ударовъ, подъ конецъ жизни, въ началѣ XV столѣтія, наперекоръ традиціямъ и политикѣ своей династіи, стремящейся объединять Грузію, вздумалъ раздѣлить свое царство между тремя своими сыновьями. Послѣ этой роковой ошибки, междоусобныя распри начали терзать Грузію и быстрыми шагами повели ее къ крайнимъ предѣламъ истощенія. Горькій опытъ, конечно, привелъ-бы Грузію, подобно многимъ

другимъ государствамъ, къ познанію коренныхъ политическихъ условій могущества и развитія націи; совершилась-бы и въ Грузіи та централизація и то объединеніе, безъ которыхъ націи невозможенъ выходъ изъ анархическаго, феодальнаго быта: къ сожалѣнію, не доставало необходимой для совершенія этого процесса степени внѣшней безопасности. Главнымъ образомъ, вслѣдствіе необыкновенной тѣлесной красоты грузинъ, эта немногочисленная нація была яблокомъ раздора между сильными сосѣдями, персами и турками, которые оспаривали ее другъ у друга, чтобъ украшать свои гаремы ея дѣтьми *). Съ другой стороны, хищные обитатели горъ, лезгины, любили наживаться готовымъ добромъ и при анархіи и слабости, въ которую впала Грузія напослѣдокъ, могли наносить ей чувствительные удары. При такой постоянно угрожающей опасности, при постоянно тревожномъ состояніи умовъ, грузинамъ было не до умственныхъ занятій. На этой мятежной почвѣ сѣмена цивилизаціи, перенесенныя въ Грузію изъ Византіи, не могли развиться. Литература едва успѣла найти себѣ спасеніе въ монастыряхъ. И потому XIX столѣтіе застаетъ литературу въ Грузіи въ своемъ зачаткѣ, почти въ томъ положеніи, въ какомъ она была семь столѣтій тому назадъ. Да если-бы грузины этого времени и унаслѣдовали отъ прошлыхъ вѣковъ богатую литературу, она не пошла-бы имъ въ прокъ. Грузія въ это время дошла до крайней степени изнеможенія, между тѣмъ какъ внѣшнія нашествія не ослабѣвали. Со всѣхъ сторонъ окружавшіе ее враги, и безъ того достаточно сильные, чтобы одолѣть ее, для большаго успѣха вселяли раздоръ между ея частями. Дворянство, какъ и прежде, раздѣляло свое время между войной и такого рода забавами, которыя гармонировали съ тревожнымъ состояніемъ духа, какъ-то охотой и бурными кутежами. Умъ и чувства дворянъ оставались безъ развивающаго и смягчающаго вліянія литературы. Правда, даже въ

*) Какъ Грузія, такъ и другія иверійскія страны, въ различныя времена, платили персамъ и туркамъ громадную дань невольниками, невольницами, преимущественно въ дѣтскомъ возрастѣ.

подобномъ тревожномъ настроеніи умовъ грузинскіе дворяне не переставали перечитывать и заучивать наизусть свою любимую поэту „Барсова Кожа“, а иногда даже, въ видѣ рѣдкаго исключенія, заниматься философическими сочиненіями. Но что значитъ для человѣческой натуры чтеніе одной или двухъ поэмъ, когда часто десятилѣтняя школьная дисциплина оказывается недостаточною укротить ея страсти.

Школа и литература идутъ рука объ руку. Онѣ вмѣстѣ рождаются въ лонѣ церкви: вмѣстѣ развиваются и постепенно освобождаютъ себя отъ ея вліянія. Когда въ странѣ нѣтъ, литературы, кромѣ духовной, теологическія понятія и знанія составляютъ, кромѣ традицій и опытовъ жизни, единственное что можно сообщить подростающему поколѣнію. Очень естественно, что въ этомъ случаѣ духовные бываютъ первыми и единственными учителями и основателями школъ. Съ развитіемъ метафизики, положительной науки и разныхъ отраслей свѣтской литературы, являются свѣтскіе учителя, которые наслѣдываютъ школу отъ духовенства. Въ феодальныя времена духовенство пользовалось громаднымъ могуществомъ, а потому, еслибъ и были свѣтскіе учителя, о школахъ внѣ церкви нечего было и думать. Въ Грузіи господство надъ школой было почти исключительнымъ достояніемъ духовенства: съ одной стороны потому, что духовенство было слишкомъ сильно, чтобъ можно было тягаться съ нимъ; съ другой—потому, что духовные были единственными учителями и никто у нихъ не оспаривалъ роли воспитателей. Нѣсколько молодыхъ людей, получившихъ образованіе въ Византіи, были тоже что капля въ морѣ. Переходя къ Грузіи, въ разсматриваемую нами эпоху, т. е. въ эпоху ея присоединенія къ Россіи,—такихъ образованныхъ людей и не существовало. Школы были исключительно церковныя. Воспитаніе было духовное. Слѣдовательно, вопросъ о вліяніи школы на дворянство сводится къ вопросу о вліяніи на него духовныхъ школъ.

Въ феодальныя времена пастыри церкви были того мнѣнія, что паствѣ ввѣренной ихъ попечительству, слѣдуетъ слѣпо

повиноваться ихъ указаніямъ. Дѣйствительно, было время, когда вслѣдствіе крайняго невѣжества и грубости чувствъ, массы народа для собственной пользы нуждались въ сильной опекѣ духовенства; но изъ такого невѣжества общество современемъ могло выйти. И такъ какъ единственными учителями того времени были пастыри церкви, то единственно отъ нихъ зависѣло вывести общество изъ такого положенія; но, къ сожалѣнію, служители церкви не хотѣли этого дѣлать и придавали своимъ школамъ исключительно сословный характеръ. Они принимали въ нихъ по преимуществу тѣхъ, которые предназначали себя или которымъ они предназначали духовную карьеру. Мы застаемъ школу въ этотъ періодъ своего развитія. Самая лучшая духовная семинарія была въ Телавѣ: говорятъ, она была семи-классная. Затѣмъ были семинаріи въ Мцхетѣ и въ Ананурѣ при монастыряхъ (Впрочемъ, въ грузинскихъ духовныхъ семинаріяхъ какъ единственныхъ учебныхъ заведеніяхъ страны, получали образованіе сыновья знатныхъ дворянскихъ фамилій, предназначенныхъ къ занятію важныхъ государственныхъ должностей). Къ сожалѣнію, вліяніе этихъ школъ было непостоянно. Когда страна бывала занята чужестранцами, ихъ дѣйствіе обыкновенно прекращалось. Такъ, напримѣръ, во время персидско-турецкихъ погромовъ XVII и XVIII столѣтій Грузія была потрясена въ своихъ основаніяхъ и дѣйствіе этихъ школъ остановилось. Ихъ возстановилъ энергическій Ираклій II, но не на долго. Новый персидскій погромъ въ концѣ XVIII столѣтія смелъ ихъ съ лица земли.

Получавшіе кое-какое образованіе въ этихъ духовныхъ школахъ почти всѣ дѣлались духовными или государственными сановниками. Большинство изъ нихъ оставалось безъ всякаго школьнаго воспитанія. Эти школы по-этому не имѣли прямаго отношенія къ массѣ дворянства: ихъ отношеніе къ обществу было косвенное: онѣ подготовляли для него пастырей, а иногда и правителей.

За немногими литературными и школьными, этихъ получихъ

средствъ къ усовершенствованію народа, религія и семья оставались единственными воспитательными элементами массы грузинскаго дворянства.

. . . . . .

Когда религія вырабатывается не въ самой странѣ, а вносится туда извнѣ, то, если общество этой страны невѣжественно, религія входитъ туда главнѣйшимъ образомъ своею обрядной стороной. Умъ невѣжественнаго человѣка не можетъ постичь нравственнаго элемента религіи; его грубыя наклонности съ большою силой отталкиваютъ узды, налагаемыя на нихъ нравственными правилами. Проходитъ много времени, пока нравственность входитъ въ большей или меньшей степени въ сознаніе и въ практику людей. Принятіе-же обрядовъ церкви не требуетъ ни усилій ума для пониманія, потому что чаще всего они усвоиваются безъ пониманія: ни усилій воли надъ страстями. Поражая чувства и занимая ихъ, увлекая воображеніе человѣка въ тѣ неземныя сферы, куда направлены помыслы и упованія вѣрующаго, обряды церкви даютъ ему испытывать несравненно больше пріятныхъ, чѣмъ непріятныхъ ощущеній. Вслѣдствіе этого невѣжественный народъ, принимающій новую религію, принимаетъ сперва ея обрядную сторону и до тѣхъ поръ довольствуется ею, пока зрѣетъ его умъ. Грузія въ своемъ религіозномъ развитіи не выходила изъ этого состоянія . . . . . .

. . . . . .

Къ сожалѣнію, грузинское духовенство свою власть надъ народомъ употребляло въ его пользу лишь въ крайне незначительной степени. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, надо различать высшее и низшее духовенство. Низшее духовенство въ Грузіи было крайне неразвито. Священники не получали почти никакого образованія. Въ умѣньи читать и совершать обряды богослуженія заключалась вся ихъ мудрость. И такъ какъ грузинскія церковныя книги написаны на древнемъ грузинскомъ языкѣ, для простаго народа мало понятномъ, то религіозныя истины весьма поверхностно усвоивались большинствомъ священниковъ, выходившихъ изъ среды этого самаго

народа. Просвѣтительное и моралзующее вліяніе такого духовенства, конечно, было крайне ничтожно.

Совсѣмъ другое представляетъ намъ высшее духовенство. Оно имѣло громадную власть и громадныя богатства и потому привлекало въ свою среду какъ людей высшихъ по общественному положенію, такъ и лучшихъ по таланту и развитію. Въ средневѣковомъ быту высшее духовенство играло важную роль. Все матеріальное благосостояніе общества, развитіе производительности страны зависѣло отъ умѣренности дворянства въ отношеніи къ крѣпостнымъ. Дворянство-же необразованное, могущественное и своенравное не признавало надъ собой никакихъ законовъ, сдерживающихъ его алчныя наклонности, кромѣ тѣхъ, которыя предписываются религіей. Но такъ какъ эти законы оно узнавало отъ пастырей церкви, то оно въ значительной степени привыкло чтить мнѣнія и волю духовенства, какъ высшіе законы и высшую волю. Такимъ образомъ духовенство, имѣя большое вліяніе на дворянъ, являлось единственнымъ сдерживающимъ элементомъ въ отношеніи къ ихъ эгоистическимъ и угнетательнымъ наклонностямъ. На сколько въ данномъ краѣ сдерживались эти наклонности, это въ весьма значительной степени зависѣло отъ характера высшаго духовенства. Степень этого сдерживающаго вліянія духовенства въ средневѣковомъ быту не вездѣ была одинакова. Въ Грузіи, гдѣ средневѣковые феодальные порядки существовали до половины настоящаго столѣтія, это вліяніе было крайне незначительно. *Во-первыхъ*, потому что тутъ высшее духовенство не получало большаго образованія и въ своемъ умственномъ развитіи стояло не высоко надъ общимъ уровнемъ развитія дворянства. *Во-вторыхъ*, потому что высшее духовенство въ Грузіи набиралось изъ среды мѣстнаго населенія, было извѣстно народу со всѣми своими недостатками. *Въ-третьихъ*, потому что оно тутъ составляло какъ бы часть дворянскаго сословія, имѣло земли и крѣпостныхъ, и своихъ матеріальныхъ интересахъ было совершенно солидарно съ прочимъ дворянствомъ, производило тѣ-же поборы, пользовало

тѣже угнетенія какъ и дворянство, а потому не могло упрекнуть его въ томъ, что само-же допускало, не могло слишкомъ расходиться съ сословіемъ, съ которымъ имѣло общіе интересы. Документы въ родѣ слѣдующаго проливаютъ свѣтъ на морализующія отношенія грузинскаго высшаго духовенства къ обществу. Изъ нихъ мы узнаемъ, какими паллиативами оно хотѣло искоренить зло, которое имѣло свои корни въ сердцахъ людей. . . . .

„Сіе условное письмо поднесли мы, Авали-швили Петръ, Ростома-швили Зааль—нашъ дворянинъ, Адара-швили Баадуръ, Чиконидзе Саамъ, нашъ домоправитель Бежанъ, Мехеладзе Свимонъ, Сагона-швили Мамула, Едли-швили Бери, Кучука-швили Петръ, Роджіа-швили Датуна, всѣ вообще наши подданные дворяне и крестьяне, вамъ, нашему государю, грузинскому католикосо-патріарху царевичу господину Антонію—въ томъ, что въ нашемъ домѣ и владѣніи и между нашими крестьянами было много зловредныхъ и лукавыхъ дѣлъ: плѣнопродавства, убійства, грабежи, прелюбодѣянія и много законопреступныхъ дѣяній. Вы, какъ жертвующій собою за вашъ народъ, пожаловали въ нашъ домъ и по долгу вашего званія приказали намъ, научили и наставили. И мы сіе условіе доложили и сдѣлали обѣтъ предъ Богомъ и св. небоподобною соборною церковію,—отнынѣ впредь не вмѣшиваться ни въ продажу плѣнныхъ, ни въ убійства, и какія были между нами злодѣйства, дурныя поступки и богопротивныя дѣла,—отъ всего отстать и презрѣть; буде-же отнынѣ впредь освѣдомитесь, что преступили вашу заповѣдь, то мы, не отвѣчая предъ Богомъ, взыщите съ насъ такъ, какъ съ злодѣевъ и разбойниковъ: духовно осудите насъ вы, а тѣлесно подвергните царямъ и пусть наша кровь послужитъ законнымъ удовлетвореніемъ. Какъ знать, быть можетъ для государства потребуются плѣнниковъ, но и въ такомъ случаѣ доносить вамъ, а равно не вѣдать, если кто будетъ заниматься въ нашемъ владѣніи плѣнопродавствомъ, стараться поймать какъ самаго плѣнника, такъ и продавца и доставить къ вамъ; если-же мы не

успѣемъ одолѣть ихъ, то донесить вамъ и о томъ. Въ случаѣ невыполненія сего условія, да будемъ преступниками сперва предъ Богомъ, а за тѣмъ предъ боговѣнчаннымъ грузинскимъ царемъ царей Теймуразомъ и благовѣрнымъ царемъ Ираклiемъ преступниками и измѣнниками. Сіе условіе такъ и исполнить; свидѣтелями сего и очевидцами суть: архіепископъ господинъ Арсеній, Урбнійскій епископъ господинъ Гавріилъ, архимандритъ Іоаннъ и всѣ вообще Мцхетскіе жители. Написано мѣсяца іюня 19-го, отъ Р. Х. 1747 г., хроникона 435."

Приложено четыре именныхъ печати.
(Акты Кавказской Археографической Коммиссіи. Т. I. стр. 55)

Подобные документы не оставляютъ сомнѣнія, что грузинское высшее духовенство дѣлало нѣкоторыя усилія, чтобъ установить въ обществѣ добрые нравы. Но оно не достигало цѣли, потому, что при всемъ своемъ желаніи вырубить древо зла, оно не успѣвало въ этомъ, такъ какъ наносило удары не по корню, а по вѣтвямъ. Подписка эта и всякая другая мѣра въ этомъ родѣ могли только на нѣкоторое время придержать злыя страсти, но искоренить ихъ или даже смягчить и удержать ихъ въ значительной степени онѣ не могли. Какъ плѣнопродавство, такъ и всѣ упоминаемыя въ приведенномъ нами документѣ „злокредныя и лукавыя дѣла" процвѣтали въ Грузіи въ высшей степени. Нѣкоторыя провинціи Грузіи были совершенно истощены плѣнопродавствомъ и самыя лютыя преступленія терзали ее во всѣхъ частяхъ.

Высшее духовенство могло имѣть нѣкоторое смягчающее вліяніе на умы и чувства дворянъ, дѣйствуя на нихъ примѣромъ своего, болѣе гуманнаго обращенія съ принадлежащими церкви крѣпостными. Нѣкоторые того мнѣнія, что господство духовенства надъ крѣпостными было гораздо менѣе тягостно, чѣмъ господство дворянства. Это въ значительной степени справедливо. Происходило это отъ слѣдующихъ причинъ. *Во-первыхъ*: Церковь была крупнымъ владѣльцемъ, а извѣстно, что крупные владѣльцы менѣе обременяютъ крестьянъ, чѣмъ

мелкіе. *Во-вторыхъ*: Многочисленныя владѣнія монастырей были разбросаны на обширномъ пространствѣ и духовные не могли имѣть надъ своими крѣпостными той близкой и тягостной опеки, которую имѣли помѣщики надъ своими крепостными, находящимися у нихъ подъ рукою. *Въ-третьихъ*: Высшее духовенство вообще было умственно и морально развитѣе массы дворянства. *Въ-четвертыхъ*: За исключеніемъ высшихъ церковныхъ сановниковъ, происходящихъ отъ высшихъ княжескихъ фамилій, оно имѣло болѣе умѣренныя потребности, чѣмъ масса дворянства и менѣе причинъ прибѣгать къ излишнимъ сборамъ. Меньшая обременительность церковнаго господства доказывается отчасти и тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что крѣпостные постоянно прибѣгали къ церкви и ея богатства быстро увеличивались. Я говорю отчасти, такъ какъ этотъ приливъ крестьянъ къ церковнымъ владѣніямъ частію происходилъ отъ чисто религіозныхъ мотивовъ. Крестьяне, не испытывающіе въ крѣпостномъ быту ничего кромѣ лишеній и притѣсненій, охотно могли прибѣгать къ монастырскимъ владѣніямъ, чтобъ служеніемъ церкви снискать по-крайней-мѣрѣ спасеніе души и загробное счастье. Итакъ духовенство, вслѣдствіе менѣе суроваго господства надъ крѣпостными, являлось соперникомъ дворянства, привлекающимъ къ себѣ его вассаловъ и данниковъ. Это не могло не подѣйствовать на дворянство и вызвать у него болѣе либеральное обращеніе съ подвластнымъ сословіемъ. Такимъ-то путемъ духовенство своимъ примѣромъ и соперничествомъ нѣсколько гуманизировало дворянское сословіе.

При такой крайней скудости моралізующихъ элементовъ семейный бытъ вообще игралъ важную роль въ ихъ воспитаніи. Семья была, такъ сказать, единственною школой, въ которой чувства дворянъ получали нѣкоторую полировку. Но къ сожалѣнію, и семья въ грузинскомъ дворянскомъ быту была лишена важнѣйшихъ своихъ моралізующихъ свойствъ. Необходимѣйшее для соціальной жизни свойство человѣческой натуры—это способность покоряться своей собственной и чу

кой волѣ. Эта способность въ человѣкѣ развивается постояннымъ его подчиненіемъ въ дѣтствѣ волѣ родителей или наставниковъ. При отсутствіи такой дисциплины въ дѣтствѣ, человѣкъ дѣлается рабомъ страстей и капризовъ. Онъ не въ состояніи регулировать своихъ дѣйствій своимъ собственнымъ умомъ и волей, а тѣмъ болѣе подчинить ихъ постоянной волѣ, выражающейся въ законахъ и обычаяхъ. У грузинскаго дворянства гувернеровъ, гувернантокъ, наставниковъ, само-собою разумѣется, не водилось. Родители, не получившіе сами никакого воспитанія, не могли давать его и своимъ дѣтямъ. Ихъ никто не наставлялъ, и они не наставляли своихъ дѣтей. Ихъ внушенія своимъ дѣтямъ можно резюмировать словами: „будь молодцомъ! Никому спуску не давай“! Затѣмъ праву барчуковъ никакихъ преградъ не было. Цѣлая ватага холоповъ, окружавшихъ ихъ, рабски исполняла малѣйшія ихъ капризы. Такая среда развивала ту страстность и вспыльчивость, которыми отличалась характерная черта въ характерѣ грузинскаго дворянства и отзывались тяжелыми слѣдами на участи сословія крѣпостныхъ.

Впрочемъ въ грузинскомъ дворянскомъ семейномъ быту была особенность, имѣвшая благопріятное для крѣпостныхъ вліяніе на характеръ дворянства. Заключалась она въ томъ, что не было рѣзкой грани между дворянской семьей и его многочисленной прислугой; они составляли какъ-бы одну семью. Эта близость развивала между дворянствомъ и его прислугой нѣкоторую привязанность. Въ прислугѣ развивалась покорность и преданность. У господъ патріархальная безцеремонность отчасти замѣнялась отеческой и родственной ласковой заботливостью.

Это отношеніе рѣзко отличалось по своей морали отъ обыкновенныхъ взыскательныхъ и утилитарныхъ отношеній господъ къ своимъ крѣпостнымъ. Оно было, такъ сказать, единственною свѣтлою полосой на мрачномъ фонѣ былаго грузинскаго феодальнаго быта.

Для развитія нравственности въ другихъ отношеніяхъ

грузинская дворянская семья служила плохою школой.

Очерчивая бѣглыми замѣтками образовательные и морализующіе элементы грузинскаго общественнаго быта и ихъ вліянія на дворянство, мы руководствовались цѣлью—дать возможность составить приблизительное понятіе о томъ, на сколько грубые, эгоистическіе инстинкты дворянства сдерживались внутренними, умственными и нравственными связующими мотивами и, слѣдовательно, какова должна была быть тяжесть той силы, которая проявлялась въ господствѣ надъ крѣпостными. Къ прискорбію мы узнали, что его эгоистическіе инстинкты не умѣрялись ни умственнымъ развитіемъ, ни значительными нравственными мотивами. Слѣдовательно сила, которая господствовала надъ крѣпостными, была груба и нерегулирована. Она пошла-бы слишкомъ далеко по пути угнетенія и раззоренія сословія крѣпостныхъ, если-бы не встрѣтила нѣкоторыхъ внѣшнихъ препятствій и ограниченій. Въ этихъ внѣшнихъ ограниченіяхъ заключалось спасеніе крѣпостныхъ. Въ нихъ заключалось почти все, что дѣлало участь крѣпостныхъ нѣсколько сноснѣе участи рабовъ.

III.

Составъ грузинскаго дворянства.

Господствующее сословіе Грузіи состояло изъ высшаго духовенства, трехъ классовъ тавадовъ или князей и трехъ классовъ азнауровъ или дворянъ.

Тавадъ происходитъ отъ слова *тави* თავი, голова, и имѣетъ одинаковое значеніе съ латинскимъ princeps, т. е. primum caput. Тавадами въ послѣдній періодъ грузинской исторіи назывались всѣ князья, имѣвшіе большія владѣнія и выдвинувшіеся личными качествами.

Азнауръ происходитъ отъ армянскаго *азнъ* (ազն), *раса*, отъ котораго происходитъ: *азнивъ* (ազնիւ), благородный, *азнуаканъ* (ազնուական), дворянинъ, *азнуараръ* (ազնուարար), дѣлающій благородныя дѣла. Азнаури въ Грузіи послѣднихъ вре-

менъ были или благородными вассалами царя, духовенства и князей, или же самостоятельными помѣщиками. Имущественныя права азпаура-вассала были крайне ограничены. Они получали нѣкоторые доходы съ имѣнія, продать-же имѣніе они не могли.

IV.

Способы пріобрѣтенія господства надъ крѣпостными.

Всѣ способы пріобрѣтенія господства надъ крѣпостными перечислены въ Уложеніи царя Вахтанга. Господство надъ крѣпостными пріобрѣталось, установлялось и сообщалось слѣдующимъ образомъ:

1) по наслѣдству;

2) покупкою;

3) пожалованіемъ отъ царя;

4) кабалою, т. е. коренной житель инозем наго владѣнія приходилъ и отдавался кому нибудь въ крестьянство.

5) Взятіемъ въ плѣнъ. Чужестранецъ или иновѣрецъ, взятый въ сраженіи въ плѣнъ, принадлежалъ взявшему его тверже купленнаго крестьянина, если царь не бралъ его себѣ или побѣдитель самъ не отпускалъ его на выкупъ.

6) Взятіемъ на воспитаніе подкидыша или пріемыша, если воспитатель не отпускалъ его передъ своею смертью на волю.

7) Добровольнымъ вступленіемъ незаконнорожденнаго сына въ крестьянство братьевъ.

8) Взятіемъ должника въ крестьянство въ удовлетвореніе за долгъ, который онъ оказался не въ состояніи заплатить.

9) Взятіемъ въ крестьянство вора, обокравшаго въ то время, когда мужъ съ женою спятъ,—въ случаѣ его несостоятельности въ удовлетворенію обокраденнаго за кровь и за сдѣланныя покражи.

10) Вольный человѣкъ, женившійся на крѣпостной, дѣлался собственностью помѣщика, которому принадлежала не-

вѣста. Точно также вольная женщина, выходящая замужъ за крѣпостнаго, дѣлалась собственностью господина, которому принадлежалъ женихъ.

11) Если отпущенный на волю крестьянинъ, по доброй своей волѣ, оставаясь у прежняго своего господина, женился на его дѣвкѣ и прижилъ съ нею дѣтей, то они принадлежали въ собственность дѣтямъ господина.

V.

Одно изъ важнѣйшихъ средствъ подчиненія крѣпостныхъ.—Составъ крѣпостнаго сословія.

Различія въ занятіяхъ и состояніяхъ во всякомъ общественномъ быту порождаютъ сословія. Власть, находя раздѣльность общества на сословія полезною для его подчиненія и правленія, благопріятствуетъ ей. Иногда ради успѣшности господства и управленія, она создастъ сословія. Это—примѣненіе извѣстнаго принципа divide et impera. Въ крѣпостномъ быту въ Грузіи было тоже самое.

По занятіямъ, крѣпостные, жившіе на помѣщичьей землѣ, раздѣлялись на господскихъ служителей и крестьянъ разныхъ разрядовъ.

Служители, *мсахури*, были высшій классъ крѣпостныхъ; ихъ можно назвать привилегированными крѣпостными. Впрочемъ, не всѣ служители были одинаково облегчены отъ тягости крѣпостнаго гнета. Тѣ, которые были заняты черною работой, пользовались не лучшей участью, чѣмъ крѣпостные землепашцы. Они стояли низко во мнѣніи господъ, которые обращались съ ними дурно. За то крѣпостные, приближенные къ господину, были своего рода дворянами. Они исправляли обязанность полицейскихъ, управляющихъ, собесѣдниковъ, конвоя и вообще свиты. Въ крѣпостномъ быту они чувствовали себя очень хорошо. Семейства мсахури жили обыкновенно поближе къ господскому двору. Большей частью они не платили никакихъ повинностей или платили лишь незначитель-

ныя, давали только прислугу. Ихъ привилегіи были наслѣдственны. Господинъ не могъ лишить ихъ этихъ привилегій, за исключеніемъ, если онъ самъ ихъ пожаловалъ. Они продавались и покупались, не лишаясь своихъ преимуществъ. Мсахури были самымъ надежнымъ элементомъ угнетенія массы крѣпостныхъ. Они были усердны въ своей службѣ, *во-первыхъ*, потому что отъ этого имъ въ матеріальномъ отношеніи становилось лучше; *во-вторыхъ*, потому что владѣльцы могли возвысить ихъ за это въ дворянство (азнаурство).

Крестьяне раздѣлялись на четыре разряда:

а) Наибольшими вольностями пользовались глехи-разночинцы—roturier. Вотъ какъ Д. П. Нурцеладзе описываетъ этотъ разрядъ крестьянъ:

„Иностранцы, проживавшіе въ Грузіи по разнымъ причинамъ и жившіе поденщиной, что то добровольно отдавались въ крестьянство; часто правительство, находя ихъ трудъ непроизводительнымъ для государства и во избѣжаніе бродяжничества, обращало ихъ въ крестьянство. Отличительная особенность этого рода крестьянъ состояла въ томъ, что они жили на владѣльческихъ земляхъ на правахъ временно-обязанныхъ крестьянъ; никто не могъ укрѣплять ихъ за собою; они отбывали только барщину. Назывались они глехи, roturier“*).

б) Крѣпостные, которыхъ мы относимъ ко второму разряду, не носили особеннаго названія, а подразумѣвались подъ общимъ названіемъ *глехи*; но они выдѣлялись по своему имущественному и моральному положенію. Это были крестьяне, прикрѣпленные къ землѣ и имѣвшіе наслѣдственную осѣдлость. Они имѣли имущественныя права, опредѣленныя обычаями и законами. Хотя они и были прикрѣплены къ землѣ и, подобно крѣпостнымъ низшихъ разрядовъ, составляли собственность помѣщика, но тотъ трудъ и капиталъ, который они потомственно вносили въ помѣщичью землю и то моральное право, которое они этимъ пріобрѣтали на землю, создавали для нихъ

*) „Кавказъ“, 1864 г., статья „О крѣпостномъ правѣ въ Грузіи“.

моральное положеніе гораздо выше, чѣмъ положеніе крѣпостныхъ низшихъ разрядовъ.

Крѣпостные низшихъ разрядовъ были *мона* и *кма*.

в) *Мона*—это купленные крестьяне. По своему положенію они приближались къ невольникамъ; но по полученіи осѣдлости, они пріобрѣтали нѣкоторыя имущественныя права.

г) *Кма*. Первоначально это названіе носили самопродавцы, т. е. поселяне, которые по разнымъ причинамъ продавали себя съ семействомъ въ крѣпостные. Впослѣдствіи это названіе стали придавать крестьянамъ, находящимся въ крѣпостной зависимости, безъ различія того, какимъ образомъ они попали въ крѣпостную зависимость.

Самая печальная особенность грузинскаго крѣпостничества та, что крѣпостные тоже могли имѣть своихъ крѣпостныхъ или рабовъ. Такъ мсахури могъ имѣть своихъ крѣпостныхъ, а этотъ въ свою очередь могъ имѣть своихъ мона.

Можно представить себѣ, каково должно было быть положеніе этихъ несчастныхъ мона, на которыхъ свинцовыми ступенями налегали многочисленныя сословія крестьянъ, полудворянъ, дворянъ и князей.

Эта раздѣльность крестьянъ на сословія парализовала ихъ силы и дѣлала ихъ неспособными на дружное отстаиваніе своихъ правъ и привилегій, облегчая вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщикамъ возможность угнетать и эксплоатировать ихъ, посредствомъ возбужденія антагонизма между ними и употребленія однихъ орудіемъ противъ другихъ.

VI.

О причинахъ, способствовавшихъ существованію крѣпостнаго права въ Грузіи.—Древность крѣпостничества въ Грузіи.—Военная защита, оказываемая дворянствомъ крѣпостнымъ.—Дворянство, какъ сословіе судебно-административное.—Нѣкоторыя услуги, оказываемыя дворянствомъ крестьянамъ.

Самая главная причина дальнѣйшаго существованія какого нибудь установившагося порядка, это та, что порядокъ этотъ уже существуетъ. Учрежденія существующія, которыя гарантируютъ хоть какой нибудь порядокъ и имущественную безопасность, имѣютъ въ необразованной странѣ большіе шансы за дальнѣйшее свое существованіе. Какъ-бы они ни были стѣснительны и неудовлетворительны для высшихъ общественныхъ нуждъ, массы стоятъ за нихъ. Чтобы массы захотѣли разстаться съ ними, необходимо, чтобъ онѣ имѣли понятіе о возможности другихъ лучшихъ учрежденій, а также увѣренность, что онѣ имѣютъ право и возможность осуществить ихъ, что имъ не будетъ хуже, если они разстанутся съ существующимъ порядкомъ, и проч. условія, требующія значительнаго умственнаго развитія, котораго въ Грузіи, конечно, не было.

Бываютъ впрочемъ случаи, когда массы и безъ значительнаго умственнаго и нравственнаго развитія стремятся свергнуть его существующихъ стѣснительныхъ учрежденій. Это происходитъ, когда въ массахъ остаются воспоминанія о другомъ порядкѣ, которымъ пользовались онѣ сами или ихъ предки. Воспоминанія о свободномъ состояніи, о потерянныхъ правахъ и привилегіяхъ могутъ заставить и крайне невѣжественнаго человѣка дѣлать усилія свергнуть ного существующаго стѣснительнаго порядка, чтобъ возратиться къ лучшему прошлому. Въ Грузіи такихъ воспоминаній не было. Крѣпостнаго право въ Грузіи—учрежденіе весьма древнее. Изъ Уложенія царя Вхтанга видно, „что владѣніе населенными

имѣніями на крѣпостномъ правѣ въ Грузіи существовало и прежде до изданія настоящаго Уложенія, которымъ это владѣніе только вновь подтверждено и освящено. Доказательствомъ какого историческаго существованія крѣпостнаго владѣнія служитъ въ особенности 23-я статья Уложенія, въ которой законодатель, между прочимъ, говоря о невозможности взыскивать за кровь княжескую, либо дворянскую по размѣру, который опредѣленъ прежними жалованными грамотами, говоритъ.....: „прежде и царь грузинскій былъ сильный государь и страною обширною обладалъ, князья его имѣли *много помѣстій*, а потому и жалованы были такія громоты; нынѣже и царю въ сравненіи съ прежними не достаетъ многихъ областей, и князья его оскудѣли *имѣніями*, раздѣлились и сами унизили свое величіе“... Въ другой статьѣ, 34-й, говорится: „мы сіе опредѣлили по старому, ничего новаго не прибавляя“. Въ ней рѣчь идетъ о томъ-же удовлетвореніи за кровь лицъ различныхъ состояній, въ томъ числѣ служителей и крестьянъ *). Древность крѣпостнаго права въ Грузіи видна изъ многихъ историческихъ свидѣтельствъ. Шарденъ, бывшій въ Грузіи въ XVII столѣтіи, описываетъ крѣпостной бытъ этой страны въ то время. Есть свѣдѣнія о существованіи крѣпостнаго порядка въ Грузіи еще въ IX столѣтіи. И такъ всякія воспоминанія о свободномъ состояніи у грузинскихъ крестьянъ должны были давнымъ давно исчезнуть. При невѣжествѣ крестьянъ, они не могли не свыкнуться съ этимъ порядкомъ и не признать его неизбѣжнымъ условіемъ соціальной жизни.

Затѣмъ крѣпостное право могло быть отмѣнено центральнымъ правительствомъ. Но центральное правительство, т. е. царская власть въ Грузіи была до того слаба, что она не только не могла совершить радикальныхъ реформъ, невыгодныхъ дворянскимъ интересамъ, но не въ состояніи была даже придать надлежащей примѣнимости самымъ существен-

*) Изъ официальной записки о крѣпостномъ правѣ въ Грузіи. князя М. Б. Туманова.

нымъ государственнымъ законамъ, долженствовавшимъ ограничить крѣпостную власть дворянства и гарантировать личную безопасность крѣпостныхъ. Дворянство было слишкомъ сильно; царь и думать не могъ вырвать у него изъ рукъ его привилегіи . . . . . .

Къ числу причинъ, способствовавшихъ сохраненію крѣпостнаго права, относятся нѣкоторыя услуги, которыя дворяне оказывали крестьянамъ: военная защита, судъ и расправа и проч. . . . . .

Военную защиту дворяне дѣйствительно оказывали крестьянамъ. Война была главнымъ занятіемъ дворянъ. Они имѣли крѣпости, замки были окружены вооруженными людьми, и при нашествіяхъ, которымъ Грузія подвергалась очень часто, собирали подъ свою защиту своихъ крестьянъ. Въ наступательныхъ войнахъ дворянство тоже играло главнѣйшую роль. Но защита дворянъ была вовсе не такая безкорыстная, чтобы можно было о ней отзываться съ тою восторженностью, какъ это дѣлаютъ грузинскіе дворяне: „есть множество примѣровъ тому, что и господинъ жертвовалъ своею жизнью, защищая крестьянъ“—говорятъ они. Дѣло въ томъ, что дворяне защищали самихъ себя, свою семью, свое имущество, въ томъ числѣ и крѣпостныхъ. Во всякомъ случаѣ для крестьянъ это было настоящей защитой: они не могли не цѣнить этой защиты дворянства, что въ значительной степени примиряло ихъ съ своею тяжелою долей.

Помѣщики имѣли судъ и расправу надъ своими крестьянами, за исключеніемъ суда по самымъ крупнымъ уголовнымъ дѣламъ, которыя подлежали правительственному суду. Каковъ долженъ былъ быть судъ эгоистическихъ, наслѣдственныхъ и неотвѣтственныхъ судей,—не трудно догадаться. Неправда и жестокость царила въ немъ. Судебно-полицейская власть была обращена въ лишнее средство угнетенія и вымогательства—въ особую статью дохода. Нельзя сказать, чтобъ такой судъ былъ большою услугой крестьянъ. Къ сожалѣнію, сильное и строптивое дворянство не терпѣло въ своихъ вла-

дѣніяхъ иного суда, кромѣ своего. Слабое центральное правительство не могло одолѣть его и распространить въ его владѣніяхъ государственные суды. Помѣщичій судъ являлся необходимостью. Крестьяне прочихались къ помѣщикамъ тѣмъ смѣшаннымъ чувствомъ страха и почтительности, который народъ обыкновенно питаетъ къ судьямъ. Это чувство не могло не прибавить живучести господству феодаловъ.

Помѣщики иногда помогали своимъ крестьянамъ обзавестись хозяйствомъ. Они дѣлали имъ ссуды, съ тѣмъ, конечно, чтобъ возвратить истраченное съ лихвою. Впрочемъ, каковы-бы ни были мотивы, побуждавшіе въ этихъ случаяхъ помѣщиковъ, крестьяне, въ особенности бездомные, пристроившіеся съ помощью помѣщиковъ, питали къ нимъ признательность.

На помѣщикахъ лежала нравственная обязанность во время голода и недостатка у крестьянъ продовольствія оказывать имъ пособіе продуктами, что они и дѣлали иногда. Впрочемъ, если они этой обязанности и не исполняли, то не лишались своихъ правъ на крестьянъ.

Если по незаботливости помѣщика къ прокормленію своихъ крестьянъ, во время голода, послѣдніе бывали принуждены для пропитанія перейти въ подданство къ другому помѣщику, и если этому помѣщику прежній не возвращалъ въ опредѣленное время издержекъ, понесенныхъ имъ на продовольствіе крестьянъ, то они оставались въ новомъ владѣніи (200 ст. законовъ царя Вахтанга).

Наконецъ, помѣщики имѣли въ отношеніи къ своимъ крестьянамъ нѣкоторыя охранительныя обязанности, которыя въ настоящее время лежатъ на правительствѣ,—напримѣръ, назначеніе опекуна надъ наслѣдниками умершаго крестьянина.

VII.

Общій характеръ помѣщичьяго господства. Его обременительность.—Одна изъ важнѣйшихъ причинъ этой обременительности.—Нѣкоторыя обстоятельства, смягчающія это господство.

Грузинскіе законы и правительство представляли весьма незначительную защиту сословію крестьянъ, какъ мы уже замѣтили. Судъ и администрація были поражены тою-же слабостью, какъ и царская власть, и какъ постоянно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, они были обращены въ орудіе мѣстныхъ сильныхъ людей. Грузинскіе законы въ свою очередь приходили на помощь не слабому, а сильному. По этимъ законамъ благородный ни въ какомъ случаѣ не могъ быть подсудимъ неблагородному. Въ особенности высшее дворянство—аристократія, была поставлена слишкомъ высоко, чтобъ крестьяне могли получать защиту даже отъ самыхъ тяжкихъ съ ея стороны насилій. Надъ аристократіей по древнему праву никто не могъ быть судьей, кромѣ царя. Она, могущественная на столько, что могла часто свергнуть царя и поставить новаго, имѣла свободный доступъ къ царю. Не трудно догадаться, каковъ долженъ былъ быть, въ большинствѣ случаевъ, судъ царя надъ своими могущественными гостями и, пріятелями, хотябъ за убійство какого-нибудь холопа, котораго продавали и покупали за нѣсколько тумановъ *). Уголовные законы страны грѣшили тѣмъ-же пристрастіемъ къ сильному. По нимъ въ удовлетвореніе за кровь крестьянина полагалась сумма въ 15 разъ менѣе, чѣмъ за кровь аристократа, и вообще гораздо менѣе чѣмъ за кровь дворянъ.

Если такъ ничтожна была защита, оказываемая закономъ и правительствомъ крестьянину, отъ вопіющихъ насилій со стороны помѣщиковъ, то неудивительно, что они не ставили

*) Туманъ—10 руб.

почти никакихъ преградъ ихъ произволу въ насиліяхъ менѣе жестокихъ. Въ отношеніи защиты отъ вымогательствъ и угнетеній, законы и правительство для крестьянина почти что не существовали. Законы запрещали ему жаловаться на своего господина. Крестьянину приходилось лишь уповать на самого себя. Поэтому происходила постоянная борьба двухъ сословій: крестьяне огораживались обычаями и отстаивали ихъ; помѣщики стремились нарушать эти обычаи и извлечь отъ крестьянъ какъ можно больше выгоды.

Грузинскіе крестьяне не могли выработать умѣренныхъ и выгодныхъ себѣ обычаевъ. Повинности, отбываемыя ими, были крайне многочисленны и обременительны. Да и этихъ обычаевъ они не всегда могли отстоять. Помѣщики часто нарушали ихъ и дѣлали съ крестьянъ лишніе поборы. Эта обременительность помѣщичьяго господства въ значительной мѣрѣ происходила отъ крайней многочисленности грузинскаго дворянства въ сравненіи съ численностью крестьянъ **).

Это обстоятельство сильно обременяло крѣпостныхъ тягостью. По свѣдѣніямъ, извлеченнымъ изъ камеральныхъ описаній 1860 и 1861 гг., въ Тифлисской губерніи, съ границами которой почти совпадаютъ предѣлы коренной Грузіи, помѣщи-

---

**) Эта относительная многочисленность грузинскаго дворянства происходила отъ разныхъ причинъ: 1 Грузія въ свои цвѣтущія времена имѣла много владѣній и дворянство, соразмѣрное этимъ владѣніямъ. Отъ теченіемъ времени она потеряла большую часть своихъ владѣній, между тѣмъ какъ дворянство не уменьшалось и смыкалось въ болѣе тѣсные предѣлы. 2 Послѣдніе грузинскіе цари, не имѣя ни земель, ни денегъ, ни должностей (которыя или были наслѣдственны или-же составляли монополію дворянства), для награжденія за услуги людей недворянскаго сословія, прибѣгали къ легкому способу награжденія производствомъ въ дворянство. 3, Послѣдніе грузинскіе цари по безденежью стали продавать дворянское достоинство. 4) Число крестьянъ уменьшилось продажею ихъ заграницу, между тѣмъ какъ число дворянъ по этой причинѣ не уменьшалось; 5, Повинности, которыя помѣщики брали съ крестьянъ, вступающихъ въ бракъ, мѣшали совершенію браковъ и задерживали развитіе крестьянскаго народонаселенія, между тѣмъ какъ этой задержки не было для дворянскаго сословія.

ковъ,—князей и дворянъ было 1751. Всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ, въ той-же губерніи, прикрѣпленныхъ къ землѣ и причисленныхъ къ городамъ, было 17,281 дымъ. На каждаго владѣльца приходится 10 дымовъ. Изъ этого числа помѣщиковъ 869 имѣли менѣе четырехъ дымовъ каждый *). Это отношеніе между численностью крѣпостныхъ и дворянства вѣроятно немногимъ разнится отъ отношенія между ихъ численностью въ разсматриваемую нами эпоху, т. е. въ началѣ настоящаго столѣтія. Если вспомнить, что изъ числа крѣпостныхъ весьма большой процентъ находился при помѣщикахъ и вмѣстѣ съ ними жилъ на труды остальныхъ, можно составить себѣ понятіе о невѣроятной тягости, которая падала на воздѣлывателей земли. Ад. П. Берже дѣлаетъ весьма мѣткую характеристику положенія крестьянина, принадлежащаго небогатому феодалу. „Жалокъ крестьянинъ подъ ферулой господина, предки котораго считали у себя рабовъ сотнями и которому осталось въ наслѣдіе, быть можетъ, не болѣе десятка дворовъ. Жалокъ крошечный феодалъ при такомъ числѣ крестьянъ, когда онъ, нисколько не умѣривъ своихъ прихотей и расходовъ, норовитъ изо-всѣхъ силъ, чтобы не отстать въ этомъ отношеніи отъ своего предка, располагавшаго несравненно большими средствами. Послѣдніи имѣютъ у себя кашеваровъ, поваровъ, сокольничьихъ, саножниковъ, портныхъ и всякаго подобнаго люда въ большомъ числѣ; потомокъ-же его корчитъ того-же феодала и хочетъ имѣть ту-же обстановку, по крайней мѣрѣ въ миніатюрѣ,—и требуетъ всѣхъ нужныхъ услугъ отъ доставшихся ему нѣсколькихъ дворовъ крестьянъ". А цѣлая половина грузинскихъ дворянъ имѣла не болѣе десяти дымовъ каждый.

Тягость крѣпостныхъ повинностей доходила до крайнихъ предѣловъ въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, которые, впрочемъ, были рѣдки: это бывало, когда одинъ дымъ крѣпост-

*) Въ концѣ этой статьи прилагаются статистическія свѣдѣнія о численности помѣщиковъ и крѣпостныхъ въ Тифлисской губерніи.

нихъ принадлежалъ нѣсколькимъ владѣльцамъ или нѣсколько дымовъ крѣпостныхъ принадлежали большему числу владѣльцевъ (обыкновенно братьямъ или родственникамъ). Тогда крестьянскую семью терзали. Каждый владѣлецъ требовалъ отъ нея средства къ своему существованію, и требованія эти были неумѣренны, потому что владѣльцы въ такихъ случаяхъ бывали крайне бѣдны. Само собою разумѣется, обычаи въ такихъ случаяхъ разлетались какъ дымъ. Произволъ не встрѣчалъ преградъ. Обычаи тогда только могутъ подчинить себѣ дѣйствія помѣщиковъ, когда въ крѣпостныхъ есть способность сопротивляться и настаивать на ихъ исполненіи; способности-же сопротивленія въ этихъ случаяхъ у крѣпостныхъ не было. Подобное возмутительное положеніе вещей, хотя имѣло весьма обширные размѣры, но было всетаки не общее. Общее положеніе крѣпостныхъ было нѣсколько лучше. Нѣсколько? почему-же не значительно?—могутъ спросить. А что-же обычаи? развѣ они не гарантировали крѣпостному опредѣленной части плодовъ его труда. Дѣло въ томъ, что хотя и были обычаи, опредѣляющіе размѣръ постоянныхъ повинностей, но они имѣли мало значенія при существованіи обычаевъ, представляющихъ помѣщику возможность къ неограниченному расхищенію своего крѣпостнаго. Такихъ обычаевъ было нѣсколько. Напримѣръ, крѣпостные были обязаны оказать пособіе къ уплатѣ долговъ своего помѣщика. А трудно-ли помѣщику было сдѣлать долги, чтобъ ихъ уплатили крѣпостные? Этимъ обычаемъ помѣщики пользовались неумѣренно. Крѣпостные обязаны были содержать своего помѣщика со всѣмъ его семействомъ и свитой, когда-бы ему ни взумалось пожаловать къ нимъ въ гости. Сверхъ того помѣщики имѣли возможность получить въ подарокъ изъ имущества крѣпостныхъ всякую вещь, которая имъ нравилась. Хотя это не было обычаемъ, но это было въ тогдашнихъ нравахъ. Подобные нравы и обычаи служили лазейкой, помощью которой помѣщики могли неограниченно присвоивать себѣ плоды трудовъ своихъ крестьянъ. Ихъ многочисленность и происходящая отъ этого стѣсненность матері-

альнаго положенія заставляли ихъ прибѣгать къ этой лазейкѣ часто. Вотъ почему обычаи, опредѣляющіе размѣръ податей и повинностей въ Грузіи, были въ значительной степени не что иное какъ пустое слово,—благовидная формальность, прикрывающая въ сущности неограниченное господство помѣщика надъ трудомъ крестьянина.

Впрочемъ были нѣкоторыя важныя внѣшнія обстоятельства, которыя сдерживали грубо-эгоистическія наклонности помѣщиковъ и такимъ образомъ приходили на помощь обычаямъ.

На первомъ планѣ—несовершенная порабощенность натуры крестьянъ, ихъ способность мстить за насилія.

Большое вліяніе на характеръ крѣпостнаго быта имѣетъ большая или меньшая необузданность природнаго темперамента крѣпостныхъ. Людей, только что вышедшихъ изъ свободнаго, полудикаго состоянія, нельзя легко подчинить господству, въ особенности тягостному. Въ этомъ случаѣ помѣщикамъ по-неволѣ приходится допускать вольности, подчинить ихъ болѣе лаской, добровольнымъ согласіемъ или либеральными обычаями. Въ этомъ отношеніи, т. е. въ отношеніи большей или меньшей обузданности природнаго темперамента, характеръ крѣпостныхъ въ различныхъ частяхъ измѣнялся. Какъ общее правило, можно указать на то, чѣмъ ближе къ центру Грузіи, тѣмъ натура крѣпостныхъ болѣе была порабощена; чѣмъ дальше отъ центра и ближе къ горамъ, тѣмъ характеръ ихъ былъ необузданнѣе и свободолюбивѣе. Повинности крѣпостныхъ въ степени своей обременительности также измѣнялись вмѣстѣ съ этими измѣненіями въ степени порабощенности натуры крѣпостнаго сословія. Вмѣстѣ съ этимъ измѣнялась также степень дурнаго обращенія помѣщиковъ съ крѣпостными и кругъ свободной дѣятельности, которымъ послѣдніе пользовались.

Въ горныхъ провинціяхъ, въ Осетіи, Сванетіи (Княжеской), Самурзакани, натура крестьянъ была полудикая, свободолюбивая и вовсе непорабощенная. Помѣщичье господ-

ство тутъ было крайне мягко, повинности ничтожны и строго ограничены обычаемъ, а обращеніе господъ съ крестьянами полюбовное. Затѣмъ, по степени большей порабощенности крестьянъ, слѣдуютъ Мингрелія, Гурія и Имеретія, а уже за ними слѣдуетъ коренная Грузія, которою мы теперь заняты, т. е. Карталинія, Кахетія и Сомхетія. Тутъ чувство свободы и независимости было наиболѣе подавлено. Оно въ большей степени въ сравненіи съ другими частями бывшей Грузіи было замѣнено чувствомъ апатической, фаталистической пассивности или-же чувствомъ преданности господину. Большинство крестьянъ было поражено апатичной пассивностью и помѣщичьимъ притязаніямъ оказывало вялое сопротивленіе; въ меньшинствѣ была большая или меньшая преданность господину. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта преданность доходила до трогательности Нѣкоторые крѣпостные, не будучи въ состояніи сопротивляться господину въ ихъ притязаніяхъ, находили возможнымъ обезоруживать ихъ и вызывать у нихъ нѣкоторую ласковость и великодушіе посредствомъ преданности. Но это была далеко не общая черта въ характерѣ крестьянъ. Никакой гнетъ, никакой фатализмъ не можетъ подавить въ человѣкѣ чувство самолюбія; а это чувство не позволяетъ, въ большинствѣ случаевъ, относиться къ насилію иначе, какъ враждебно. Такъ какъ у грузинскихъ крестьянъ натура была далеко неокончательно порабощена, то чувство самолюбія выражалось у нихъ иногда сильно, проявляясь въ видѣ самой лютой мести. Месть была въ нравахъ грузинскихъ крестьянъ. Случаи убійства помѣщиковъ за насилія были нерѣдки. Бывали примѣры, что цѣлая помѣщичья семья истреблялась крестьянами за насилія. Это конечно должно было сдерживать господъ въ предѣлахъ благоразумія.

Затѣмъ еще одно обстоятельство: грузинскіе крестьяне были обставлены удобствомъ бѣжать отъ своихъ господъ; кругомъ Грузіи было множество враждебныхъ ей странъ. Бѣги куда угодно. Этимъ способомъ отдѣлаться отъ ненавистнаго господина, грузинскіе крестьяне пользовались очень усерд-

по. Плохая полиція, отсутствіе паспортной системы благопріятствовали имъ. Чтобы не лишиться этимъ путемъ рабочихъ рукъ, господа были принуждены поумѣрить свои претензіи.

Теперь мы переходимъ къ перечисленію законовъ и обычаевъ, опредѣляющихъ пространство помѣщичьей власти и права крѣпостныхъ, хотя изъ сказаннаго нами уже видно, сколь незначительно было ихъ практическое значеніе.

VIII.

Помѣщичье господство надъ личностью крѣпостнаго.— Наказаніе крѣпостнаго. Казнь и изувѣченіе.—Наказанія побоями.—Господство надъ красотою.—Продажа крѣпостныхъ. Плѣнопродавство.

Личность крѣпостнаго со стороны правительства ограждалась отъ насилія однимъ весьма неэнергическимъ закономъ, именно 95-ю ст. законовъ царя Вахтанга, въ которой говорится: „кто убьетъ или изувѣчитъ своего крестьянина за какое либо преступленіе, тотъ заслуживаетъ гнѣва царя и католикоса, ибо никто не имѣетъ права казнить своего крестьянина безъ царя, а всякъ обязанъ о преступленіи его, казни достойномъ, доводить до свѣдѣнія царя и съ разрѣшенія только его производить оную. Впрочемъ, еслибъ господинъ и подлинно казнилъ или изувѣчилъ своего крестьянина, то сей послѣдній и наслѣдники его не вправѣ требовать отъ него удовлетворенія. Если-же господинъ убьетъ крестьянина невиннаго неумышленно, то обязанъ сдѣлать родственникамъ его удовлетвореніе, опредѣленное за неумышленное смертоубійство, и сверхъ того вознаградить ихъ чѣмъ либо. Когда-же крестьянинъ, узувѣченный господиномъ своимъ за преступленіе, пожелаетъ у него же остаться, то господинъ обязанъ оставить за нимъ имѣніе и сверхъ того сдѣлать ему удовлетвореніе за кровь; если-же не захочетъ уже остаться у него въ кресть-

ятствѣ, то, не требуя никакого удовлетворенія за кровь, волент отойти отъ него со всѣмъ своимъ семействомъ и навсегда свободенъ отъ всякаго притязанія со стороны своего помѣщика, ибо кровью своею выкупилъ отъ него. Что-же касается до братьевъ и родственниковъ казненнаго господиномъ крестьянина, то они въ случаѣ смерти его вмѣстѣ съ семействомъ его также освобождаются отъ общаго ихъ господина, а въ случаѣ—нѣтъ".

Законъ этотъ представлялъ ничтожную защиту личности крестьянина, потому что послѣдствія, которымъ онъ подвергалъ помѣщика за убійство крестьянина, были ничтожны. 28 ст. законовъ армянскихъ говоритъ: „по закону никто не имѣетъ право лишить жизни своего крестьянина или слугу; но если таковые впадутъ въ уголовное преступленіе, то ихъ должно представить государю, который самъ подвергаетъ ихъ заслуженному наказанію".

Можно сказать, что главною защитою личности крѣпостнаго было то, что помѣщику невыгодно было убить его и тѣмъ лишиться рабочей силы. Затѣмъ уже защитой личности крѣпостнаго былъ страхъ смерти, которая, какъ мы уже говорили выше, былъ въ правахъ грузинскихъ.

„Помѣщики, князья и дворяне за преступленіе или вину могли крестьянъ своихъ штрафовать и наказывать палочными побоями, не имѣя однакожъ права на лишеніе членовъ: кромѣ сего за все другое царь не дѣлалъ имъ никакого выговора, поелику помѣщики надъ своими крестьянами имѣютъ полную власть, и крестьяне на нихъ не могли нигдѣ жаловаться" *).

Законы грузинскіе не ограждали ни семейныхъ правъ крѣпостнаго, ни правъ крестьянокъ на свою собственную красоту: грузинскій помѣщикъ могъ срывать цвѣты наслажденія съ любой изъ своихъ крестьянокъ. Обыкновенный способъ такого правонарушенія—взятіе въ прислугу той, которая понра-

*) 71 ст. обычаевъ, введенныхъ при грузинскихъ царяхъ закономъ.

вится. Послѣ того, какъ крестьянка приносила въ жертву помѣщичьей власти свои лучшіе годы, она попадала въ опалу и либо въ числѣ прочей женской прислуги исполняла домашнія работы, иногда самыя тягостныя, либо сбивалась наравнѣ съ прочими крестьянами.

Не было законовъ, ограничивающихъ помѣщичье право продажи крѣпостныхъ, за исключеніемъ 142 ст., которая запрещала продавать невѣрнымъ несостоятельныхъ должниковъ, обращенныхъ въ крѣпостничество. Самое гнусное проявленіе помѣщичьяго господства, въ этомъ отношеніи, была распродажа семьи въ разныя руки, въ особенности на вывозъ въ мусульманскія страны. Много тревожныхъ и душу раздирающихъ страданій вызывало осуществленіе этого чудовищнаго права. Бѣдная Грузія была истощена продажею *ея сыновъ*—за границу. Въ особенности западныя приморскія провинціи ея были совершенно опустошены. Грузинское духовенство дѣлало усилія отклонить это ужасное зло; но безуспѣшно. Полудикій эгоизмъ бралъ верхъ: продажа крѣпостныхъ за границу продолжалась до занятія края русскими. Да и въ самой Грузіи расторженіе семейныхъ узъ и распродажа членовъ семьи въ разныя руки были весьма часты. Эти явленія, кажется, составляли самую мрачную, самую ужасную черту крѣпостнаго быта въ Грузіи.

IX.

Господство надъ трудомъ.—Натуральныя повинности.—Прислуга.—Барщина.—Прочія повинности.

Полное господство надъ трудомъ человѣка свело-бы его въ состояніе раба и животнаго, изъ которыхъ трудъ извлекается лишь палочными ударами. Хотя грузинскіе дворяне и любили щеголять тѣмъ, что они имѣютъ право и могутъ брать съ своихъ крестьянъ сколько хотятъ; другими словами, что ихъ крестьяне ихъ рабы, но это было вѣрно лишь отчасти,

какъ редкое исключеніе, а не какъ общее правило. Дѣйствительно отдѣльные помѣщики могли разорить до тла нѣкоторыхъ изъ своихъ крестьянъ, но еслибъ они захотѣли разорить многихъ, они встрѣтили-бы преодолимое сопротивленіе. Тогда крестьяне, вѣроятно, постояли-бы за свои интересы, ограждаясь вѣковыми обычаями. Весьма трудно, кажется даже невозможно, обратить въ полное рабство цѣлое земледѣльческое населеніе, составляющее большинство народонаселенія края и имѣющее наслѣдственную осѣдлость на одномъ мѣстѣ. При томъ принудить такое народонаселеніе къ труду исключительно для другихъ палочными ударами потребовало-бы гораздо большей силы, чѣмъ та, которою располагало дворянство какой-бы то ни было страны. Рабство всегда было явленіемъ частнымъ. Для производителей страны, держащихъ на своихъ плечахъ все государство, необходимъ другой болѣе гуманный и энергическій мотивъ къ труду: такимъ мотивомъ была гарантія земледѣльцу пользованія болѣе или менѣе значительной частью плодовъ своего труда, на основаніи законовъ или обычаевъ. Стремленіе земледѣльческаго класса къ обезпеченному существованію и къ благосостоянію вездѣ вызывало такіе законы и обычаи, которые какъ-бы часто ни нарушались въ частныхъ случаяхъ, имѣли значительную силу въ общемъ. Въ уложеніи царя Вахтанга между законами армянскими встрѣчаемъ слѣдующія статьи: (ст. 185): „Буде князья или кто другой станутъ изнурять крестьянъ излишней работою и черезъ то изъ нихъ кто либо умретъ, то слѣдуетъ съ виновнаго взыскать за кровь на удовлетвореніе дѣтей умершаго крестьянина или родственниковъ его, въ случаѣ неимѣнія дѣтей". Затѣмъ (ст. 427): „одинъ только опредѣленный прежде общественный, государственный или княжескій подати и повинности должно взыскивать, не требуя ничего сверхъ положенія. Богъ для того поставилъ царей, чтобъ они охраняли и спасали государства, а не для того, чтобъ разоряли оныя",

Помѣщики не должны взыскивать податей и повинностей

сверхъ опредѣленныхъ. Но гдѣ-же опредѣленія этихъ податей и повинностей? Въ Грузіи повинности не опредѣлялись законами; слѣдовательно остается перечислить обычаи.

Прислуга. „Въ Грузіи *) (Тифлисскомъ, Телавскомъ и Горійскомъ уѣздахъ) помѣщикъ имѣлъ полное право взять въ услуженіе къ себѣ кого хотѣлъ изъ семейства, т. е. сына отъ отца и проч., однако въ такомъ только случаѣ, если въ семействѣ оставался другой, могущій замѣнить собою взятаго и управлять хозяйствомъ. Семья, изъ которой помѣщикъ бралъ кого либо въ услуженіе, освобождалась отъ всѣхъ повинностей на все время, покуда слуга находился при помѣщикѣ. Помѣщикъ могъ взять также въ услуженіе и цѣлое семейство крестьянъ, но это дѣлалось весьма рѣдко и болѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда семейство не имѣло достаточно земли для обработыванія, и это семейство исключительно уже служило помѣщику, получая отъ него все содержаніе.

Барщина—бегара. Крестьяне обязаны были пахать для помѣщика землю, поливать и засѣвать, убирать хлѣбъ, свозить на гумно, обмолачивать и провѣивать, обработывать и огораживать садъ, косить траву, поставлять дрова и лѣсъ и исполнять разныя другія работы, какія нужны были помѣщику, какъ-то: по постройкамъ и перевозкѣ разныхъ тяжестей, и тому подобное. Какъ велики эти работы, т. е. сколько требуютъ времени, опредѣлительно сказать нельзя, потому что онѣ почти въ каждомъ имѣніи были въ чемъ нибудь различны, смотря по состоянію крестьянъ и хозяйству помѣщика. Вообще простираются онѣ отъ 10 до 50 дней въ годъ отъ каждаго дыма. Всѣ эти работы крестьяне должны были производить собственными средствами—выставкою какъ пѣшихъ работни-

*) Выписки о повинностяхъ взяты изъ свѣдѣній объ отношеніяхъ между помѣщиками и ихъ крестьянами въ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, собранныхъ въ 1841 году и заключающихся въ дѣлѣ бывшаго грузино-имеретинскаго губернскаго правленія, 10 апрѣля 1841 г., по описи подъ №1.

ковъ, такъ и съ арбами и другими хозяйственными орудіями, съ собственнымъ крестьянскимъ скотомъ.

Повинности земными и хозяйственными произведеніями. Крестьяне отбывали помѣщикамъ повинности натурою: а) *Чала* или подать съ посѣвовъ, произведенныхъ крестьянами на помѣщичьихъ или собственныхъ ихъ земляхъ. Она также неопредѣлительна и по большей части составляетъ *коду* (90 фунтовъ) съ земли *однодневнаго паханья* (полдесятины. б) *Кулухи* или подать съ виноградныхъ садовъ, безъ различія—на помѣщичьихъ или собственныхъ земляхъ крестьянъ сады тѣ разведены, въ размѣрѣ отъ 5 до 7-й части съ урожая".

Повинности предметами хозяйства, отбываемыя крестьянами, заключались въ опредѣленномъ съ каждаго семейства по состоянію количествѣ куръ, цыплятъ, яицъ, восковыхъ и сальныхъ свѣчей и другихъ произведеній, какъ-то: въ масляницу масло и во всякій постъ бобы. Съ иныхъ семействъ, вмѣсто выше изъясненныхъ податей, взимались деньги, соображаясь съ состояніемъ каждаго.

Повинности случайныя заключались въ приношеніяхъ крестьянъ помѣщикамъ: а) въ случаѣ смерти кого нибудь изъ его семьи, повинность называемая *самархи*: б) на свадьбу помѣщика —*сакорцило*; в) въ новый годъ и въ праздники Рождества Христова и Свѣтлаго Воскресенья. О приношеніяхъ послѣдняго рода въ 429 ст. законовъ армянскихъ (въ Уложеніи царя Вахтанга) сказано: „не должно требовать большихъ приношеній съѣстными припасами отъ своихъ крестьянъ, а должно довольствоваться тѣмъ, что сіи послѣдніе могутъ имъ принесть. Таковыя приношенія суть излишніе сборы, а потому не должно насильно взыскивать ихъ и за малое количество оныхъ наказывать кого либо".

Къ числу повинностей такъ-называемыхъ случайныхъ можно отнести вознагражденіе, уплачиваемое помѣщикамъ вдовами, вступавшими во второй бракъ по своему желанію, состоявшее изъ одного быка съ придачею одного марчила

(грузинская монета). Эта повинность предметами хозяйства иногда замѣнялась денежной повинностью.

Повинности денежныя. Крестьяне не иначе могли вступать въ бракъ какъ съ дозволенія помѣщика, который за это дозволеніе получалъ съ жениха извѣстную плату, большею частью 6 абазовъ (1 р. 20 к.).

Вдовы поселянъ были свободны отъ зависимости помѣщика и могли вступать во второй бракъ по своему желанію, но ежели вступали, то помѣщикъ имѣлъ право получать вознагражденіе, опредѣленное въ 203 ст. зак. царя Вахтанга: одного быка и одинъ *марчилъ* Подать эта называлась *сакврино* и часто вся взималась деньгами.

1) Помѣщикъ вообще при выходѣ за мужъ крестьянской дѣвки получалъ подать, *сачекме*, смотря по состоянію родителей ея или жениха.

2) Помѣщикъ, при выходѣ принадлежащихъ ему дѣвокъ за чужихъ крестьянъ, получалъ выводныя деньги отъ 2-хъ до 30 р. сер.

3) Къ числу денежныхъ повинностей относятся также *гасамкрело*,—десятая часть изъ движимаго имѣнія крестьянъ, получаемая помѣщикомъ при раздѣлѣ этого имѣнія по ихъ желанію, и обыкновенно уплачиваемая деньгами.

4) Крестьяне, занимавшіеся въ городахъ торговлею или ремеслами, конечно, съ дозволенія своихъ помѣщиковъ, платили имъ оброкъ, смотря по состоянію и уговору.

5) Въ нагорныхъ мѣстахъ, гдѣ крестьяне занимались скотоводствомъ, помѣщикъ вмѣсто повинности произведеніями дѣлалъ съ крестьянъ денежный раскладочный сборъ подъ именемъ *цацера*, количество котораго и время взиманія не опредѣлены закономъ.

Неограниченныя повинности. Помѣщикъ имѣлъ право дѣлать неограниченные сборы, соразмѣряясь, конечно, съ состояніемъ и настроеніемъ крестьянъ, въ слѣдующихъ случаяхъ: а) когда онъ былъ обремененъ долгами; б) когда онъ пріоб-

рѣталъ покупкою имѣніе; в) когда отправлялся въ походъ; г) когда справлялъ свадьбу, при выдачѣ дочерей или родственницъ въ замужество, или при женитьбѣ сыновей или родственниковъ, — и д) когда кто умиралъ въ семействѣ и требовались издержки на погребеніе. Въ этихъ случаяхъ помѣщики не могли взимать сколько хотѣли. Крестьяне обязаны были оказывать имъ пособіе деньгами, а иногда и продуктами по своему состоянію.

За тѣмъ неограниченною повинностью можно считать также обязанность крѣпостныхъ содержать помѣщика, его семью и прислугу, когда они приходили къ нимъ въ гости.

Весьма интересно было-бы свести итоги этимъ повинностямъ и опредѣлить приблизительно, какую долю своего валоваго дохода грузинскій крестьянинъ отдавалъ помѣщику. Къ сожалѣнію, это весьма трудно. Съ урожая земными произведеніями съ значительною вѣрностью можно положить $^1/_7$ часть. Но нѣтъ возможности перенести на урожай или на деньги издѣльную повинность, а также опредѣлить, какой доли ежегоднаго дохода соотвѣтствуютъ повинности случайныя, неограниченныя и проч. Одно только можно сказать, что эти повинности оставляли крестьянину средства лишь на самое жалкое существованіе.

X.

Помѣщичье господство надъ имуществомъ крѣпостнаго.

Законы грузинскіе, касающіеся имущественныхъ правъ крѣпостныхъ, сильно противорѣчатъ другъ-другу. По нѣкоторымъ изъ нихъ, все имущество крѣпостнаго принадлежитъ его господину; по другимъ, крѣпостной имѣетъ неотъемлемое право собственности надъ своимъ имуществомъ движимымъ и недвижимымъ.

По 258 и 260 ст. законовъ Вахтанга и 166 ст. законовъ греческихъ все имущество крѣпостнаго принадлежитъ его

господину, между тѣмъ какъ 137, 138, 231, 232 статьи законовъ Вахтанга признаютъ за крѣпостнымъ право даже послѣдственной собственности на свое движимое и недвижимое имущество. Приведу 231 статью, которая выражается ясно и энергично: „Жена, оставшаяся по смерти мужа и сыновей, не имѣетъ участія въ недвижимомъ имѣніи; оно принадлежитъ ихъ господину. Ей надобно возвратить ея приданое и отдать предбрачный залогъ. Однакожъ и изъ оставшагося имѣнія слѣдуетъ ей на похороны отъ господина, который долженъ и послѣдне-умершаго въ домѣ похоронить: даже и купленное имѣніе переходитъ въ такомъ случаѣ къ господину. *Буде-жъ у нея останется сынъ, то и недвижимаго имѣнія никто не въ правѣ отбирать у нея: оно принадлежитъ ему*". Весьма распространено ложное мнѣніе, будто по грузинскимъ законамъ купленный крестьянинъ лишенъ всѣхъ гражданскихъ правъ. 248 статья законовъ Вахтанга даже за купленнымъ крестьяниномъ признаетъ послѣдственное право собственности: „по смерти крестьянина, *не оставившаго сыновей*, если онъ былъ купленъ, все имущество его принадлежитъ болѣе помѣщику, который обязанъ однакожъ дать женѣ и дочерямъ его на содержаніе и на похороны; если же онъ былъ жалованный, или же отъ самого помѣщика получилъ имущество, то у его жены и дочерей еще меньше можно взять онаго. Когда же не останется во немъ ни жены, ни дочери, то помѣщикъ обязанъ, употребивъ что слѣдуетъ на похороны его и на поминки, все прочее взять себѣ". Этотъ законъ не допускаетъ за сыновьями купленнаго крестьянина права наслѣдовать имущество отца, хотя онаго нѣтъ въ Уложеніи Вахтанга, въ законахъ греческихъ, есть статьи, которыя энергически настаиваютъ на имущественномъ безправіи купленнаго крестьянина (ст. 163, 310, 311). Напримѣръ, 163 ст. законовъ греческихъ говоритъ: „купленный человѣкъ никогда не можетъ быть позванъ къ суду и никакой судья не въ правѣ лишать его жизни; онъ не властенъ надъ находящимся у него имѣніемъ,

которое принадлежитъ его господину, ибо онъ есть купленный человѣкъ. Таковому не слѣдуетъ ни давать въ долгъ, ни требовать обратно". Итакъ, по греческимъ законамъ и по нѣкоторымъ законамъ грузинскимъ, купленный человѣкъ не имѣетъ имущественныхъ правъ; между тѣмъ, по нѣкоторымъ законамъ грузинскимъ, онъ имѣетъ наслѣдственное въ мужеской линіи право собственности.

По законамъ грузинскимъ, право помѣщика на присвоеніе себѣ недвижимаго имущества крѣпостнаго возникаетъ только въ случаѣ смерти послѣдняго безъ наслѣдниковъ мужескаго пола. Движимое же переходитъ и къ наслѣдникамъ женскаго пола, за исключеніемъ жены, которая имѣетъ право только на свое приданое, и обращается въ собственность помѣщика только при бездѣтной смерти крестьянина.

По 152 ст. законовъ армянскихъ (Уложенія Вахтанга), „если крестьянинъ построитъ домъ въ городѣ и удобритъ тамъ землю, то всѣ таковыя заведенія будутъ принадлежать въ собственность его потомству".

При такихъ противорѣчіяхъ въ государственныхъ законахъ, мы можемъ составить себѣ вѣрное понятіе о имущественныхъ правахъ помѣщика и крѣпостнаго лишь по обычаямъ страны. Если-бъ даже въ государственныхъ законахъ была гармонія и послѣдовательность, мы и тогда не должны были бы полагаться на нихъ, пока не увѣрились-бы, что эти законы были не мертвой буквой, что обычаи и практика страны согласовались съ ними, особливо въ такой странѣ, какъ Грузія послѣднихъ временъ, которую терзали междоусобія самовластныхъ князей, гдѣ произволъ послѣднихъ почти совершенно вытѣснилъ вліяніе государственныхъ законовъ и царской власти. Въ такихъ случаяхъ надежнѣе обратиться къ обычаямъ страны, которые были въ состояніи выдерживать борьбу съ сильнѣйшими соціальными бурями и потому представляютъ собою самыя крупныя и трудно измѣняемыя черты народнаго характера.

По обычаямъ страны, движимое имущество крестьянина составляло его неотъемлемую собственность. Онъ могъ располагать имъ какъ хотѣлъ, могъ дарить, продавать и проч.,— впрочемъ съ тѣмъ ограниченіемъ, что онъ не могъ располагать имъ настолько, чтобъ разстроилось его хозяйство и онъ лишился бы способности отбывать господскія повинности.

Но право крестьянина на недвижимое имущество, находящееся на помѣщичьей землѣ, нельзя назвать правомъ собственности. Крестьянинъ не могъ продавать, дарить,— словомъ, отчуждать его. Его право на это имущество было правомъ постояннаго и наслѣдственнаго, въ мужескомъ поколѣніи, пользованія; право-же собственности на это имущество принадлежало господину. Оно осуществлялось полученіемъ съ него поземельныхъ доходовъ въ видѣ разныхъ повинностей. Если крестьянинъ переходилъ къ другому помѣщику, то онъ могъ взять съ собою только свое движимое имущество. Осуществлялось это право еще тѣмъ, что помѣщикъ, въ случаѣ неисправности крестьянина въ исполненіи своихъ обязанностей, могъ отобрать у него всѣ его земли. Для округленія своей дачи помѣщикъ могъ отобрать у крестьянина его земли, дѣлая ему отводъ въ другомъ мѣстѣ. Обычаи давали крестьянамъ больше имущественнаго права на усадьбы и сады, чѣмъ на полевые надѣлы. Крайне рѣдки были примѣры посягательства на нихъ помѣщиковъ.

Крестьянинъ могъ также свободно располагать недвижимымъ имѣніемъ, имъ самимъ пріобрѣтеннымъ.

XI.

Помѣщичье господство надъ свободой крѣпостнаго.

Изъ крайне неудовлетворительно ограниченнаго господства помѣщика надъ личностью крѣпостнаго вытекало почти-что полное господство надъ его свободой.

Важнѣйшіе соціальные акты, въ которыхъ выражается

свободная дѣятельность человѣка, это—добровольное вступленіе въ бракъ, свободный выборъ занятія и свободное жительство въ томъ или другомъ мѣстѣ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ воля крѣпостнаго была подчинена волѣ его помѣщика.

Крестьяне не иначе могли вступать въ бракъ съ кѣмъ-бы то ни было, какъ съ дозволенія помѣщика, который за то дозволеніе получалъ съ жениха извѣстную плату.

Крестьянинъ, женившійся на дѣвицѣ, принадлежащей другому помѣщику, безъ его дозволенія, дѣлался крѣпостнымъ этого помѣщика.

Вдовы крестьянъ были свободны отъ зависимости помѣщиковъ и могли вступать во второй бракъ по своему желанію; но при этомъ помѣщикъ имѣлъ право получить вознагражденіе, опредѣленное 203 ст. зак. царя Вахтанга.

Дѣвки, принадлежащія помѣщику, не иначе могли выйти за чужихъ крестьянъ, какъ съ дозволенія помѣщика и съ уплатою выводныхъ денегъ.

Крестьянинъ былъ прикрѣпленъ къ помѣщичьей землѣ и не иначе могъ переселиться съ одного мѣста на другое, какъ по волѣ и съ дозволенія помѣщика. Переходъ крестьянина отъ одного помѣщика къ другому былъ запрещенъ. Помѣщикъ могъ отыскивать и требовать бѣжавшаго слугу или переселившагося крестьянина (199 ст. зак. царя Вахтанга и 24 ст. Армянскихъ). Его власть въ этомъ отношеніи ограничивалась слѣдующими статьями законовъ царя Вахтанга, которыя предоставляли нѣкоторую, хотя и ничтожную, свободу крестьянамъ.

Ст. 199. „Если въ нашемъ отечествѣ крестьянинъ одного помѣщика, перешедъ къ другому помѣщику, пробудетъ у него нѣсколько времени, и въ народной переписи показанъ будетъ за новымъ помѣщикомъ, прежде нежели прежній помѣщикъ станетъ отыскивать его: то сей не можетъ уже переселить къ себѣ такого крестьянина до будущей переписи и до разрѣшенія начальства. Но если крестьянинъ самъ добро-

вольно пожелаетъ возвратиться на прежнее жительство, то новый помѣщикъ не вправѣ удерживать его у себя; въ семъ случаѣ крестьянинъ обязанъ только уступить новому помѣщику половину всего имъ пріобрѣтеннаго въ бытность свою у него въ крестьянствѣ. Если-же и при будущей переписи останется на мѣстѣ и добровольно пробудетъ у новаго господина тридцать лѣтъ, то уже не можетъ возвратиться къ прежнему помѣщику, да хотя-бы и ушелъ, сей послѣдній обязанъ возвратить его новому господину.“

Ст. 200. „Если крестьянинъ одного господина, перешедъ къ другому, продастъ ему себя, или если кто во время голода выкормитъ чужаго крестьянина, либо заплатитъ за него долгъ, и прежде нежели крестьянинъ сей будетъ внесенъ въ перепись на имя новаго господина, прежній господинъ станетъ отыскивать его, то сперва слѣдуетъ отдать сему новому господину половину пріобрѣтеннаго во владѣніи его крестьяниномъ, а потомъ вознаградить его за всѣ сдѣланныя имъ на крестьянина издержки, и тогда уже возвратить его прежнему господину. Въ случаѣ-же спора о количествѣ пріобретеннаго крестьяниномъ въ бытность его во владѣніи у новаго господина, крестьянинъ самъ обязанъ удостовѣрить его въ томъ присягою.“

Ст. 201. „Кто изъ помѣщичьихъ крестьянъ переселился отсюда заграницу и, пробывъ тамъ шесть лѣтъ, возвратится назадъ и пожелаетъ быть казеннымъ, то возвращеніе того прежнему его господину или оставленіе въ казенномъ вѣдомствѣ зависитъ совершенно отъ соизволенія царскаго. Мы сіе установляемъ для того, чтобы никто не отягощалъ своихъ крестьянъ. Въ противномъ случаѣ они уйдутъ заграницу, и пробывъ тамъ шесть лѣтъ, по возвращеніи своемъ сдѣлаются казенными, и слѣдственно прежній господинъ лишится своихъ крестьянъ.“

Этотъ законъ самый существенный для смягченія участи крестьянъ.

Ст. 202. „Если помѣщичьи крестьяне, выселясь въ другую область, пробудутъ тамъ тридцать лѣтъ, то, кому они по возвращеніи отдадутся въ крестьянство, тому и должны принадлежать. Буде-же они пробыли болѣе 30-ти лѣтъ, то должны быть возвращены прежнему ихъ помѣщику. Впрочемъ, кто изъ таковыхъ крестьянъ вообще, выселясь въ Трі-алетъ на казенную землю, пробудетъ тамъ 22 года, тотъ никогда уже не возвращается прежнему господину.“

За исключеніемъ этихъ случаевъ, крестьянинъ не могъ безъ дозволенія господина переселиться изъ одного мѣста въ другое. При недостаткѣ въ пахотныхъ земляхъ и другихъ угодьяхъ, крестьянинъ переселялся, съ дозволенія господина, для населенія или другого его имѣнія или для занятія ремесломъ и торговлей въ городахъ.

Главное занятіе крестьянъ было земледѣліе и скотоводство. Ремесломъ и торговлей занимались въ видѣ исключенія, но исключенія довольно многочисленнаго. Они дѣлали это съ дозволенія господина, при чемъ повинности произведеніями замѣнялись оброкомъ, смотря по состоянію.

Въ духовное званіе крестьяне безъ согласія помѣщика вступать не могли, но когда они и поступали въ это званіе, то не освобождались отъ крѣпостной зависимости и часто продолжали платить повинности.

Военная служба также не освобождала крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. По возвращеніи изъ похода, крестьянинъ вступалъ въ прежнія отношенія къ своему господину.

Регулярной службы, въ которую могли-бы поступать помѣщичьи крестьяне, при грузинскомъ правительствѣ не было.

При аккуратномъ исполненіи крѣпостными своихъ обязанностей къ помѣщику у нихъ всетаки оставалось нѣкоторое время, которой они могли употребить на частныя предпріятія для себя. Къ сожалѣнію, и тутъ ихъ дѣятельность была обставлена помѣщичьей опекой. „Крестьяне не могли вступать въ подряды, поставки и вообще денежныя обязательства, безъ

позволенія своихъ помѣщиковъ; въ противномъ случаѣ, обязательство не имѣло силы и заимодавецъ или лицо, впавшее въ обязательство, не получало по оному удовлетворенія". А это помѣщичье дозволеніе и опека, само собою разумѣется, обходились не дешево и не мало мѣшали развитію благосостоянія крестьянина.

163 ст. законовъ царя Вахтанга лишаетъ крестьянъ права продавать или покупать недвижимое имѣніе безъ утвержденія господина.

Всѣмъ-же движимымъ имуществомъ пріобрѣтеннымъ собственными своими трудами, крестьянинъ могъ свободно располагать. Всякое движимое имущество онъ могъ продавать и покупать.

Крестьяне въ нѣкоторыхъ случаяхъ освобождались отъ всякихъ помѣщичьихъ обязанностей. Къ сожалѣнію, это освобожденіе бывало лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда у крестьянъ не бывало физической возможности исполнять ихъ.

„Когда деревня казенная, княжеская или дворянская претерпѣвала отъ голода, то она на тотъ годъ освобождалась отъ податей".

„Когда деревня казенная, княжеская или дворянская была раззоряема отъ нападенія, то ея жители освобождались отъ всѣхъ податей, пока успѣвали оправиться".

„Когда царь, царица, царевичи или князья приступали къ постройкѣ новыхъ селеній и оканчивали ихъ, то давали вновь поселеннымъ тамъ крестьянамъ льготу на нѣсколько лѣтъ и не менѣе шести, какъ казеннымъ, такъ и княжескимъ".

Собственно говоря, крестьянинъ былъ свободенъ лишь на столько, на сколько у помѣщика не было надобности и желанія лишить его свободы.

Мы видимъ, что кругъ свободной дѣятельности крестьянина былъ ничтоженъ. Большая часть его силъ и времени была посвящена отбыванію тяжелыхъ господскихъ повинно-

стей. За тѣмъ остатокъ его силъ былъ парализованъ беззащитностью, эгоистической опекой помѣщика и неувѣренностью въ пользованіи плодами своихъ усилій и предпріимчивости.

XII.

Прекращеніе помѣщичьей власти надъ крѣпостнымъ.

Крестьянинъ выходилъ изъ крѣпостной зависимости, когда самъ помѣщикъ отпускалъ его на волю за выкупъ или безъ выкупа. Помѣщикъ, отпустившій на волю крестьянина за выкупъ, не имѣлъ права никогда присвоить его обратно. Впрочемъ, по законамъ греческимъ и армянскимъ—не знаю, на сколько они примѣнялись—если отпущенный оказывался неблагодарнымъ къ господину или позволялъ себѣ обругать его дѣтей и оказывать имъ неуваженіе, то господинъ могъ уничтожить отпускную и покорить крестьянина опять своей власти. По 170 ст. греческихъ законовъ, если отпустившій купленнаго человѣка на волю самъ впадалъ въ бѣдность, то отпущенный обязанъ былъ служить и доставлять ему пропитаніе. По законамъ армянскимъ дозволялось отпускать на волю крестьянина на условіяхъ. Если эти греческіе и армянскіе законы примѣнялись, то полный выходъ крестьянина изъ крѣпостной зависимости въ Грузіи былъ почти что невозможенъ. Помѣщикъ подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ могъ снова за кабалить его.

По 168 ст. законовъ греческихъ, крѣпостной человѣкъ, спасшій своего господина отъ смерти, долженъ былъ быть отпущенъ на волю.

По законамъ армянскимъ опредѣлялось, какое число крестьянъ помѣщикъ имѣлъ право отпустить на волю; отпускъ же всѣхъ вообще крестьянъ не признавался дѣйствительнымъ.

Въ Грузіи выходили изъ крѣпостнаго состоянія также крестьяне, возвратившіеся изъ плѣна безъ содѣйствія господина, права котораго, впрочемъ, возстановлялись, если онъ от-

...ть такому крестьянину все его имѣніе или если ... ь, возвратясь въ домъ свой, проживалъ въ немъ ... недѣлю; въ противномъ случаѣ, т. е. если не возвращался въ домъ, то оставался свободнымъ, но отъ прежняго помѣщика своего могъ получить только жену; дѣти-же и имѣніе оставались у помѣщика.

„Все это относилось, однако, къ тому только случаю, если крестьянинъ попадался въ плѣнъ чрезъ помѣщика, или находясь на его службѣ, такъ какъ крестьянинъ, взятый въ плѣнъ въ то время, когда находился въ бѣгахъ отъ своего помѣщика, по освобожденіи своемъ обязанъ былъ возвратиться къ нему.“

Опять таки повторяемъ, обычаи и законы касательно выхода крестьянъ изъ крѣпостной зависимости были неумолимы. Вѣроятно, рѣдко какой крестьянинъ согласился-бы ради личной свободы лишиться имѣнія и разстаться съ дѣтьми, тѣмъ болѣе, что въ феодальномъ быту для крестьянина было весьма мало шансовъ къ исходу, кромѣ поступленія въ крѣпостную зависимость къ кому нибудь, ради пользованія землей.

Между прочимъ замѣтимъ, что законъ объ освобожденіи крѣпостныхъ, выпедшихъ собственными средствами изъ плѣна, неблагопріятно вліялъ на военную силу государства, потому что грузинскіе воины—крѣпостные, охотно попадали въ плѣнъ, чтобъ избавиться отъ своихъ господъ, ослабляя такимъ образомъ силу и успѣхъ своего войска.

XIII.

Важнѣйшія соціальныя послѣдствія крѣпостнаго права въ Грузіи.

Важнѣйшимъ непосредственнымъ соціальнымъ послѣдствіемъ крѣпостнаго права въ Грузіи была бѣдность не только крестьянъ, но и самого дворянства.

Крестьяне за рѣдкими исключеніями были бѣдны, отъ

того, *во-первыхъ*, что ихъ обременяли непомѣрными повинностями; *во-вторыхъ*, оттого, что невозможность пользованія плодами своихъ усилій поражала ихъ апатіей. Они работали спустя рукава, такъ только, чтобъ влачить свое существованіе. Въ самомъ дѣлѣ, съ какой радости имъ было работать, когда несравненно большая часть произведеній ихъ лишнихъ усилій должна была быть у нихъ взята подъ тѣмъ или другимъ видомъ и предлогомъ. Вотъ что генералъ Лазаревъ пишетъ въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія, касательно этого предмета (Акты Археографической Коммисіи, т. II, 185): „Земля здѣшняя сама по себѣ плодородна быть могла при хорошемъ устройствѣ и хозяйствѣ, но что теперь оной не такъ достаточно, то причины тому слѣдующія: народъ отягощенъ разными поборами какъ отъ царствующихъ, такъ и отъ князей и своихъ дворянъ, ибо каждый кто-бы такой ни былъ, пріѣзжая въ деревню, все беретъ безденежно, отчего поселянинъ *не имѣетъ никакой охоты обработывать*; буде-же что привезетъ въ городъ, то у него берется такимъ-же образомъ на чье нибудь имя“.

Незначительнымъ благостояніемъ пользовались крестьяне большихъ владѣльцевъ, которыхъ, впрочемъ, было какихъ нибудь пять, шесть человѣкъ во всей Грузіи. Крестьяне-торговцы и ремесленники жившіе въ промышленныхъ центрахъ, пользовались нѣкоторымъ благосостояніемъ. Между торговцами встрѣчались даже такіе, которые были богаче своихъ господъ. Но эти рѣдкія исключенія, не измѣняя общаго характера печальной картины всеобщей бѣдности, доказывали только, какъ благопріятна свобода дѣятельности для развитія богатства и благосостоянія, и какъ пагубна та опека и тотъ гнетъ, подъ которыми помѣщики держали своихъ крестьянъ.

При такой бѣдности крестьянъ не удивительно, что только слишкомъ крупные владѣльцы оказывались съ значительнымъ благосостояніемъ и могли называться богатыми; массаже дворянства, громадное большинство, была крайне бѣдна.

[illegible]та происходила какъ отъ ихъ многочисленности, [illegible] того, что они по невѣжеству своему придерживались хищнической системы хозяйства, раззоряли крестьянъ и подрывали ихъ производительную энергію.

Не говорю о бѣдствіяхъ крестьянъ, сопровождавшихъ осуществленіе помѣщичьей власти. Для описанія несчастной доли грузинскаго крестьянина въ крѣпостномъ быту необходимо перо Бичеръ-Стоу. Надъ семейнымъ счастьемъ крестьянина помѣщичья власть висѣла, какъ дамокловъ мечъ, готовый ежеминутно опуститься и уничтожить его въ конецъ. Растерзать семью крестьянина, распродать его по частямъ во всѣ стороны ничего не значило для грузинскаго помѣщика. Съ другой стороны, крестьяне и сами отъ гнета невыносимыхъ тягостей и страданій покидали родной кровъ и родную страну, лишая ее, такимъ образомъ, производительныхъ силъ Привожу нѣсколько строкъ изъ всеподданнѣйшаго рапорта очевидца, генерала Кнорринга, 1801 г. *), который набрасываетъ нѣсколько очертаній этого мрачнаго положенія вещей: „Съ умноженіемъ нуждъ царскихъ, возвысились въ царствѣ и поборы со всѣхъ продуктовъ и со всѣхъ промысловъ, а число рукъ къ воздѣлыванію того уменьшилось. Помѣщики обязаны были въ чрезвычайныхъ случаяхъ помогать царю изъ своихъ доходовъ; но чтобъ не понести чувствительной утраты, вознаграждали себя раззоренiемъ крестьянства, которое по-сему изыскивало убѣжище въ чужихъ владѣніяхъ, поставляя ровнымъ: быть-ли крайне утѣснену въ отечествѣ и ожидать того сугубо, или находиться въ рабствѣ у своихъ сосѣдей. Ибо кто не грабилъ сихъ несчастныхъ людей? Всякій царевичъ, всякая царица, царевна, каждый родственникъ царскій могъ давать отъ себя такъ-называемый баратъ (указъ) на отнятіе у кущца, у крестьянина того, что у него есть лучшее, а власть царская, поколебавшись въ своемъ основаніи, едва примѣчала

*) Акты Археографической Коммисіи, т. I, 543.

таковыя насильства и того меньше принимала мѣръ къ ихъ истребленію".

Изъ этой бѣдности, апатіи, недовольства массы вытекала бѣдность и слабость государства. Напрасно нѣкоторые грузинскіе дворяне говорятъ, будто крѣпостное право было такою необходимостью, что безъ него Грузія не могла дожить до настоящаго. Мы думаемъ совершенно противное. Крѣпостное право въ Грузіи, доведшее массу народонаселенія до крайней степени раззоренія и недовольства, подорвало государственное могущество и лишило страну способности обороняться, а тѣмъ болѣе наступать. Всѣ феодальныя государства отличались слабостью до тѣхъ поръ, пока помѣщичья власть не была подчинена государственной власти и тѣмъ облегчена участь крестьянства и увеличена его производительная энергія и патріотизмъ. Мы не понимаемъ, съ какой стати крестьянинъ станетъ съ отчаяніемъ защищать государство, которое не обезпечиваетъ ему благосостоянія, не даетъ ему ничего, кромѣ горя, гнета и раззоренія. Защищая свое государство, онъ не защищаетъ своей собственности, которую государство ему не обезпечиваетъ, не защищаетъ своего семейнаго счастія, которое продолжаетъ оставаться въ произволѣ помѣщика, не защищаетъ своей личной свободы, которой у него нѣтъ. Напротивъ, мы понимаемъ, почему отчаянно дерется для защиты государства вольный крестьянинъ-собственникъ, крестьянинъ-общинникъ. Защищая государство, онъ защищаетъ свою свободу, свою семью и свою собственность.

Оборонительная и наступательная сила Грузіи заключалась преимущественно въ томъ сословіи, которое пользовалось нѣкоторымъ благосостояніемъ—въ дворянствѣ съ окружающей его прислугой. Но эта оборонительная и наступательная сила была ничтожною частью той силы, которую могла-бы проявить вся нація, если-бы она пользовалась благосотояніемъ. Дворянство безъ искренней помощи націи,—помощи, которой при крѣпостномъ правѣ не могло быть,—способно лишь на слабую

слабое наступленіе. Очень хорошо извѣстно, что войска грузинскія при наступательныхъ войнахъ постоянно ощущали недостатокъ въ продовольствіи, вслѣдствіе бѣдности націи. Наступательная война для грузинъ была возможна только тогда, если она сразу увѣнчивалась успѣхомъ, такъ чтобъ армія могла содержаться насчетъ побѣжденныхъ. Въ противномъ случаѣ наступательная война не далѣе какъ чрезъ двѣ, три недѣли прекращалась по недостатку запасовъ. Такимъ образомъ Грузія, вслѣдствіе бѣдности и неспособности къ наступательной войнѣ, была лишена той моральной защиты, которая заключается въ страхѣ сосѣдей, и оставалась при тягостной необходимости постоянной раззорительной обороны.

Мы полагаемъ, что крѣпостной порядокъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ Грузіи, не только не способствовалъ сохраненію національно-политическаго могущества и независимости этой страны, но онъ былъ важнѣйшею причиной ея упадка. Мы думаемъ, что еслибъ грузинское общество во-время успѣло устроиться, на мѣсто крѣпостнаго права, на началахъ личной свободы и имущественной безопасности, еслибъ просторъ дѣятельности и безопасность, своевременно обезпеченные, успѣли дать развитіе народному богатству и могуществу, то Грузія, при ея весьма счастливыхъ стратегическихъ условіяхъ, была-бы неуязвима отъ внѣшнихъ нашествій, вышла-бы безвредною, можно даже сказать, окрѣпшею изъ-подъ испытаній сильнѣйшихъ историческихъ невзгодъ и была-бы въ разсматриваемую нами эпоху болѣе могущественной, чѣмъ въ самые цвѣтущіе періоды своего существованія.

Густавъ Калантаровъ.

Дозволено цензурою Тифлисъ 26-го іюля 1877 г.

2007055023